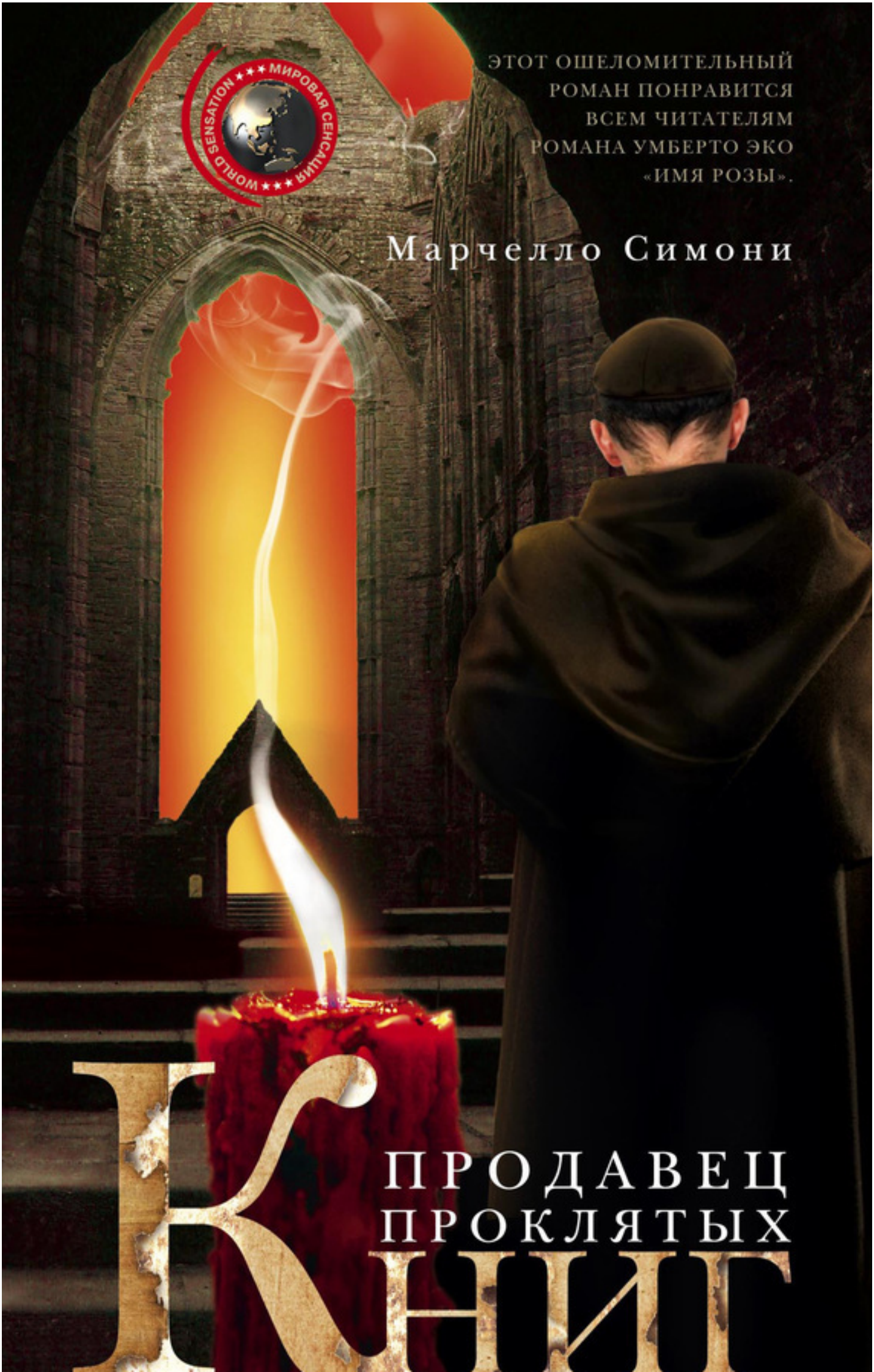
WORLD SENSATION ★★★ МИРОВАЯ СЕНСАЦИЯ ★★★
ЭТОТ ОШЕЛОМИТЕЛЬНЫЙ РОМАН ПОНРАВИТСЯ ВСЕМ ЧИТАТЕЛЯМ РОМАНА УМБЕРТО ЭКО «ИМЯ РОЗЫ».
Марчелло Симони
ПРОДАВЕЦ ПРОКЛЯТЫХ КНИГ

Марчелло Симони

Продавец проклятых книг

«Центрполиграф»

2011

Симони М.

Продавец проклятых книг / М. Симони — «Центрполиграф», 2011

Начало XIII века, Европа. Время Крестовых походов, борьбы с ересью, тайных обществ, алхимиков и чернокнижников. Двух старинных друзей-компаньонов, собирающих в странах Востока оккультные реликвии и ценные книги и продающих их верующим и сильным мира сего, после одной из сделок стали преследовать эмиссары секретного трибунала Святой Фемы. Чтобы скрыться от погони, они вынуждены разделиться и надолго теряют друг друга из виду. Но у одного из них, Вивьена де Нарбона, остается священная книга с заклятием власти, за которой охотятся люди в красных масках, а его напарник, Игнасио из Толедо, находит оставленную для него криптограмму с тайными подсказками о книге и, разгадав ее, снова пускается в странствия…

© Симони М., 2011
© Центрполиграф, 2011

Содержание

Пролог 6
Часть первая 8
Глава 1 8
Глава 2 12
Глава 3 13
Глава 4 15
Глава 5 18
Глава 6 19
Глава 7 21
Глава 8 23
Глава 9 25
Глава 10 27
Глава 11 28
Глава 12 29
Глава 13 30
Часть вторая 32
Глава 14 32
Глава 15 35
Глава 16 38
Глава 17 40
Глава 18 41
Глава 19 43
Глава 20 45
Глава 21 47
Глава 22 48
Глава 23 51
Глава 24 53
Глава 25 55
Конец ознакомительного фрагмента. 56

Марчелло Симони
Продавец проклятых книг

Copyright © 2011 Marcello Simoni
© Перевод, ЗАО «Издательство Центрполиграф», 2013
© Художественное оформление, ЗАО «Издательство Центрполиграф», 2013

Пролог

Был год 1205-й от Рождества Христова, Пепельная среда – первый день Великого поста.

Струи ледяного ветра били, словно плети, по стенам монастыря Святого Михаила у Плотины, неся вместе с ветром за монастырские стены запах смолы и сухих листьев – верный признак того, что скоро начнется буря.

Отец Вивьен де Нарбон решил выйти из монастырской церкви, хотя вечерняя служба еще не закончилась, пары ладана и дрожащее пламя свечей вызывали у него беспокойство. Он вышел наружу и стал прохаживаться по церковному двору, покрытому снегом. Закат гасил последние отблески дневного света.

Неожиданно на монаха налетел порыв ветра. Отец Вивьен вздрогнул, плотней закутался в рясу и наморщил лоб, как от обиды. Сегодня, с той минуты, как он проснулся, ему не по себе. За день это ощущение не только не прошло, но даже усилилось.

Он решил, что беспокойство ослабнет, если он немного отдохнет, и прошел по галерее главного двора во внушительный спальный корпус монастыря. Внутри его встретил бледно-желтый свет факелов. Помещения, которые они освещали, были столь тесны, что казалось, здесь можно было задохнуться.

Не обращая внимания на эту устрашающую давящую тесноту, Вивьен шел по лабиринту коридоров и лестниц, потирая ладони, чтобы согреться. Ему было необходимо лечь и не думать ни о чем. Однако на пороге кельи его ожидала неожиданность: над дверью был воткнут кинжал в форме креста. С его бронзовой рукояти свисал свернутый в трубку листок бумаги. Монах почувствовал приближение чего-то ужасного. Он несколько секунд неподвижно смотрел на послание, прежде чем набрался смелости прочесть его. Содержание было коротким и грозным:

«Вивьен де Нарбон,
Вы виновны в колдовстве.
Приговор вынесен Святой Фемой.
Орден Вольных судей».

Вивьен в ужасе упал на колени. Святая Фема? Зоркие? Как они сумели отыскать его в этом убежище на альпийской скале? Он столько лет убегал от них! Полагал, что они наконец потеряли его след и он в безопасности. Но нет, эти люди нашли его!

Не стоит горевать! На отчаяние нет времени, нужно бежать в очередной раз. Страх сковывал его тело. Вивьен поднялся на дрожащие ноги, распахнул дверь своей кельи, прихватил первые попавшиеся под руку вещи, накинул на себя тяжелый плащ и быстро зашагал в сторону конюшни. Ему казалось, что каменные коридоры вдруг стали еще уже и давят, пугая, своей теснотой.

Выйдя из спального корпуса, Вивьен почувствовал, что воздух стал холодней. Ветер выл, гоня облака и хлеща по голым кронам деревьев. Собратья Вивьена были еще в церкви – медлили в святом тепле главного нефа. Он плотней закутался в плащ, вошел в конюшню, оседлал коня, вскочил в седло и рысью промчался через городок Сан-Микеле.

Ветер принес снег. Крупные хлопья падали Вивьену на плечи, и шерстяная ткань плаща стала намокать. Но монах дрожал не от холода и сырости, а от своих мыслей, каждую секунду ожидая засады.

Будучи уже вблизи от наружных ворот, он встретил закутанного в рясу монаха. Это был монастырский келарь отец Джеральдо из Пинероло. Джеральдо отодвинул назад капюшон рясы, открыв свою длинную иссиня-черную бороду, изумленно взглянул на Вивьена и сказал:

– Куда ты, брат? Вернись, пока не началась буря.

Вивьен ничего не ответил, устремившись к выходу, молясь о том, чтобы достало времени убежать. Но у выхода его ждала повозка, запряженная двумя черными как ночь конями. В ней находился только кучер на козлах – посланец смерти. Беглец сделал вид, что повозка его совершенно не интересует, и пронесся мимо нее, пряча лицо под капюшоном и стараясь не встретиться с кучером глазами.

Джеральдо, напротив, подошел взглянуть на незнакомца. На первый взгляд в кучере не было ничего примечательного – крупный мужчина в широкополой шляпе и черном плаще. Но потом келарь взглянул ему в лицо, после чего глядел только на спину. Лицо этого человека было красным как кровь, рот кривился в адской ухмылке.

– Дьявол! – воскликнул келарь и попятился назад.

Тем временем Вивьен пришпорил своего коня и погнал его галопом по склону горы в сторону долины Суза. Ему хотелось бежать отсюда как можно быстрей, но снег смешался с грязью, тропа размокла, и приходилось быть осторожным.

Загадочный кучер узнал беглеца, прикрикнул на коней и погнался за ним на повозке.

– Вивьен де Нарбон, остановитесь! – гневно закричал он. – Вы не сможете вечно прятаться от Святой Фемы!

Вивьен даже не повернулся, не услышав окрика, в уме вихрем кружилось множество мыслей. Потом до монаха донесся стук колес повозки. И этот стук все приближался! Повозка его догоняла! Как она может двигаться так быстро по этой неровной тропе? Это не кони, а демоны из ада!

После слов преследователя у Вивьена не осталось никаких сомнений: этот человек – посланец Вольных судей. Зоркие хотят получить Книгу! И ради этого они, конечно, готовы на все, будут пытать его, пока не сведут с ума, чтобы выведать тайну, выяснить, как можно постичь мудрость ангелов. Лучше уж ему умереть!

У беглеца на глазах выступили слезы. Он натянул поводья и заставил коня двигаться проворней. Но тот бежал слишком близко к краю обрыва, и земля, мягкая от снежной влаги и грязи, сползала вниз под тяжестью копыт.

Конь вместе с Вивьеном заскользил по склону горы. Крики монаха и ржание коня были слышны, пока их не заглушил рев бури.

Повозка остановилась. Загадочный кучер спустился с козел и внимательно оглядел пропасть.

«Теперь тайну знает только Игнасио из Толедо. Надо его найти», – подумал он.

Кучер поднес правую руку к щеке и коснулся ладонью лица. Оно было слишком твердым и холодным, не человеческим. Он неохотно сжал руками обе щеки и снял Красную Маску, скрывавшую его настоящее лицо.

Часть первая
Монастырь обманов

Вот то, что показали мне ангелы. Я все выслушал от них и все узнал – я, который вижу не для этого поколения, но для того, которое придет, для будущих поколений.
Книга Еноха, 1: 2

Глава 1

Ни один человек не мог бы точно сказать, кто такой Игнасио из Толедо. Иногда его называли мудрым и образованным человеком, иногда нечестивым колдуном. Для многих он был всего лишь странником, который бродил из страны в страну и искал священные реликвии, чтобы продать их набожным или могущественным людям.

Хотя Игнасио не рассказывал, откуда он родом, арабские черты его лица, суровость которых смягчала светлая кожа, ясно указывали, что он из испанских христиан, живших рядом с арабами и общавшихся с ними. Высокий и худой, он ходил, опираясь на посох. Бритая голова и борода свинцового цвета делали его похожим на ученого. Но в первую очередь внимание привлекали его зеленые проницательные глаза, окруженные геометрически правильными морщинами, среди которых они выглядели как два изумруда в оправах. Серая ряса Игнасио пахла так же, как восточные ткани, пропитанные ароматами за время долгого пути, поверх нее он носил плащ.

Таким его и увидел в первый раз мальчик Умберто дождливым вечером 10 мая 1218 года, когда открылись ворота монастыря Святой Марии у Моря и в них показался высокий человек в плаще с капюшоном. Вслед за Игнасио шел светловолосый мужчина, который тащил за собой большой сундук.

Аббат Райнерио из Фиденцы, настоятель монастыря, только что закончил вечернюю службу. Он сразу же узнал чужеземца в капюшоне и пошел ему навстречу сквозь ряды монахов.

– Мастер Игнасио! Сколько времени мы не виделись! – дружески приветствовал он гостя. – Я получил письмо о том, что вы придете, мне не терпелось снова увидеть вас.

– Здравствуйте, преподобный Райнерио! – поклонился Игнасио. – Я расстался с вами, когда вы были простым монахом, а встречаю в сане настоятеля.

Райнерио был таким же рослым, как продавец реликвий из Толедо, но шире в плечах. На его лице заметно выделялся большой орлиный нос, коротко подстриженные каштановые волосы спутанными прядями падали на лоб. Прежде чем ответить, он опустил взгляд и перекрестился.

– Так пожелал Господь. Наш прежний настоятель Майнульфо из Сильвакандиды скончался в прошлом году. Это тяжелая утрата для нашего братства.

Услышав это, продавец реликвий горько вздохнул. Он не очень верил тому, о чем написано в житиях святых, и сомневался в чудесных свойствах реликвий, которые часто привозил из дальних стран, но был уверен, что Майнульфо был поистине святым человеком. Даже после того, как его назначили на должность настоятеля, он продолжал вести жизнь отшельника. Майнульфо имел обыкновение время от времени уединяться вдали от монастыря и молиться в одиночестве. Он назначал вместо себя заместителя-викария, надевал на плечо суму отшельника и уходил в скит – хижину на берегу соседней лагуны в зарослях камыша. Там он в одиночестве пел псалмы и постился.

Игнасио вспомнил ту ночь, когда познакомился с покойным. Тогда он в отчаянии убегал от врагов и спрятался как раз в этом скиту. Майнульфо оставил его у себя и предложил помощь. Продавец реликвий сразу почувствовал, что может доверить ему свою тайну.

С тех пор минуло пятнадцать лет. В его ушах зазвучал голос Райнерио, но он прогнал воспоминания.

– Он умер в своем скиту, не выдержав суровой зимы, – продолжал новый настоятель. – Мы все уговаривали его отложить уход в скит до весны, но он сказал, что Господь призывает его к сосредоточенному размышлению. Через семь дней после этого разговора я нашел его мертвым в его келье-хижине.

В глубине нефа раздалось несколько печальных вздохов.

Увидев, что продавец реликвий нахмурился, Райнерио перевел разговор на другое.

– А теперь скажите мне, Игнасио, кто этот ваш бессловесный спутник? – спросил он и вгляделся в юношу, стоявшего рядом с продавцом реликвий. По правде говоря, совсем еще мальчик. Длинные волосы немного растрепались и теперь спускались на широкие плечи, обрамляя шею. Голубые глаза казались детскими, но контур лица был четким, а жесткие очертания рта и подбородка свидетельствовали о решительном характере.

Юноша сделал шаг вперед, поклонился и представился настоятелю:

– Мое имя Гийом из Безье, преподобный отец.

В его речи слышался провансальский акцент с примесью чего-то необычного, чужеземного.

Аббат вздрогнул, отлично помня, что город Безье – гнездо секты еретиков. Он отступил на шаг, сурово взглянул на молодого незнакомца и пробормотал сквозь зубы:

– Альбигоец…

Услышав это, Гийом нахмурился, и в его глазах сверкнул гнев. Потом эти глаза стали печальными, словно от еще не угасшей боли.

– Гийом добрый христианин и не имеет ничего общего ни с альбигойской ересью, ни с ересью катаров, – вмешался в разговор Игнасио. – Он уже много лет живет вдали от своей родины. Я познакомился с ним, когда возвращался из Святой земли, и в дороге мы сдружились. Он пробудет здесь только эту ночь, у него срочные дела в другом месте.

Райнерио внимательно вгляделся в лицо молодого француза, взиравшего на всех искоса из-за необходимости очень много скрывать, и кивнул. Вдруг настоятель повернулся к самым дальним скамьям монастырской церкви, словно вспомнил о чем-то, и крикнул мальчику-мавру, сидевшему среди монахов:

– Уберто, подойди на минутку, я хочу представить тебе одного человека!

В это время Уберто как раз расспрашивал монахов о двух гостях, которых до сих пор ни разу не видел. Один из братьев вполголоса ответил ему:

– Высокий с бородой и в капюшоне – Игнасио из Толедо. Говорят, когда грабили Константинополь, он раздобыл там несколько реликвий и, кроме них, очень ценные книги, даже несколько книг о магии… Он, кажется, привез свою добычу в Венецию и заработал на этом богатство и почет у знати Риальто. Но в глубине души он добрый человек. Не зря он был другом аббата Майнульфо. Они очень часто переписывались.

Тут мальчик услышал, что его зовет Райнерио, попрощался со своим собеседником и подошел к маленькой группе в тени под крышей прихожей. Только теперь Игнасио сбросил с головы капюшон и открыл лицо – может быть, для того, чтобы лучше видеть мальчика. Продавец реликвий без грубой откровенности изучил взглядом его лицо, большие янтарного цвета глаза и густые черные волосы.

– Значит, тебя зовут Уберто, – произнес он наконец.

Мальчик взглянул на него в ответ так же внимательно. Уберто не знал, как обращаться к этому человеку. Гость был моложе, чем Райнерио, от него исходила внутренняя энергия,

присущая священнослужителям. Этим он внушал к себе почтение и очаровывал мальчика. Уберто опустил глаза и, глядя на свои башмаки, ответил:

– Да, господин.

Продавец реликвий улыбнулся и ответил:

– Господин? Я не занимаю высокого места в церкви! Зови меня по имени и говори мне «ты».

Уберто успокоился и бросил взгляд на Гийома, который бесстрастно, но внимательно наблюдал за происходившим.

– Скажи мне, ты послушник? – спросил мальчика Игнасио.

– Нет, – вмешался Райнерио. – Он…

– Прошу вас, отец настоятель, дайте сказать мальчику!

– Я не монах и еще не послушник. Я новообращенный и готовлюсь в послушники, – ответил Уберто, удивляясь тому, что гость-торговец разговаривает с Райнерио бесцеремонно, как близкий человек. – Братья нашли меня, когда я был еще в пеленках. Здесь меня растят и учат.

На мгновение лицо Игнасио сделалось грустным, а потом приняло прежнее выражение – отрешенное и полное достоинства.

– Он отличный писарь, – добавил настоятель. – Я частенько даю ему переписать короткую рукопись или составить один документ из нескольких.

– Я помогаю как могу, – подтвердил Уберто. В его тоне было больше смущения, чем скромности. – Меня научили читать и писать на латыни. – Он немного помедлил и спросил у Игнасио: – Вы… ты много путешествовал?

Торговец кивнул, слегка поморщился при мысли о том, как же он невероятно устал за время своих странствий, и ответил:

– Да, я побывал во многих местах. Если хочешь, мы поговорим о них, но позже. Я остановлюсь здесь на несколько дней, если разрешит настоятель.

Райнерио изобразил отеческую доброту:

– Дорогой мой, как я уже писал вам в ответ на ваше письмо, мы рады вас принять. Отдохните в нашей гостинице, она рядом с церковью. А ужинать можете в трапезной вместе с нашей монашеской семьей. Сегодня же вечером приходите на ужин и садитесь за мой стол.

– Благодарю вас, отец настоятель. А сейчас я прошу у вас разрешения отнести мой сундук в комнату, которую вы нам выделите. Гийом тащил его сюда от самого парома, а сундук очень тяжелый.

Настоятель кивнул, прошел в противоположный конец прихожей и выглянул наружу, пытаясь отыскать кого-то.

– Хулько, ты здесь? – громогласно позвал он, стараясь что-то рассмотреть за очень плотной серой пеленой ливня.

В ответ на зов из дождя возникла странная сгорбленная фигура с вязанкой дров на плечах. Это, очевидно, и был Хулько. Сгибаясь и покачиваясь под тяжестью своей ноши, этот человек подошел к настоятелю. Похоже, ливень его совершенно не беспокоит. Работник не был монахом. Возможно, крепостной или один из тех «посаженных на землю», иначе говоря, имевших свою хижину с маленьким участком земли монастырских рабов, которым поручались хозяйственные работы в обители. Хулько пробормотал что-то неразборчивое на непонятном наречии.

Райнерио, явно недовольный тем, что должен лично отдавать приказы рабу, заговорил с Хулько, как дрессировщик с животным, которое приручает:

– Хорошо, сынок. Дрова оставь в покое. Положи их вон туда. Молодец! Возьми тачку и помоги господам, отвези этот сундук в гостиницу… Правильно, она в той стороне! И смотри не урони сундук. Молодец, иди с ними. – Он сменил выражение лица, снова повернулся к гостям

и сказал: – Он грубый, но смирный. Идите за ним. Если вам больше ничего не нужно, жду вас совсем скоро в трапезной за ужином.

Оба спутника попрощались с Райнерио и Уберто и зашагали следом за Хулько. Работник продолжал горбиться даже без вязанки на плечах. Его пятки глубоко вдавливались в размокшую землю.

Дождь прекратился. Между облаками виднелось красное от заката небо, где кружилась стая пронзительно кричащих ласточек, и дул пропахший солью ветер.

Дойдя до гостиницы, Хулько повернулся к гостям, и последние лучи дневного света ярко осветили его нескладную фигуру. Из-под тряпичной шапки торчали вихры жестких волос и шишковатый нос. Жалкое зрелище дополняли грязная куртка и протертые на коленях штаны. «Домини иллюстриссими!» – пробормотал он. На латыни это значило «знаменитейшие господа». За обращением последовала чудовищная мешанина на разных языках, которая должна была означать: «Желают ли господа, чтобы я внес сундук внутрь?»

Увидев кивок, означавший «да», крепостной снял сундук с тачки и с трудом внес его в дом.

Монастырская гостиница была построена почти целиком из дерева, стены обтянуты камышовыми циновками. За стойкой у входа посетителей встретил человек в хлопчатобумажной куртке и с глазами как у совы – Джинезио, управляющий гостиницей. Он поздоровался с паломниками и сообщил, что настоятель приказал отвести им самое удобное помещение.

– Поднимитесь наверх, дверь в вашу комнату – третья справа, – сказал он, глуповато улыбнулся и указал рукой на лестницу на верхний этаж. – По всем вопросам обращайтесь ко мне. А пока счастливо оставаться!

Игнасио и Гийом сделали как сказал Джинезио. Поднявшись по ступеням, они оказались перед своей дверью. «Настоящая роскошь!» – подумал продавец реликвий. Он привык к общим спальням, где кровати отделялись одна от другой лишь занавесками.

Хулько остановился позади гостей. Он явно выбился из сил.

– Достаточно, спасибо, – сказал ему Игнасио и сопроводил слова кивком. – Возвращайся к своим делам.

Крепостной с большим удовольствием поставил сундук на пол, поклонился гостям и ушел прочь своей расхлябанной походкой.

Когда странники остались одни, Гийом спросил:

– Что мы будем делать теперь?

– Прежде всего спрячем сундук, – ответил продавец реликвий. – Потом пойдем на ужин. Нас ждут за столом у настоятеля.

– Не думаю, что я очень понравился твоему настоятелю, – заметил француз.

Игнасио улыбнулся:

– А тебе хотелось стать его другом?

Ответа не последовало. Этого он ожидал. Гийом – неразговорчивый человек.

Входя в комнату, Игнасио добавил:

– Не забудь, завтра ты должен отправиться в путь с рассветом. И проследи, чтобы никто не увидел, куда ты направился.

Глава 2

Монастырь Святой Марии у Моря стоял над самой лагуной, недалеко от берега Адриатического моря. Он выглядел не очень внушительно, но в солнечные дни величаво возвышался в центре гладкой равнины, которую окружали каналы и заболоченные топкие берега.

Здание монастыря было построено еще в первые десятилетия XI века. Расположенные в ряд маленькие окошки, казалось, с трудом втиснулись между камнями стены. Фасад был обращен на восток. С левой стороны, помимо скромной колокольни, виднелись лепившиеся одна к другой постройки – трапезная, кухня и спальный корпус. С противоположной стороны располагались конюшня и гостиница для путников. Большинство из них шли или ехали из Равенны в Венецию. Часто эти люди направлялись в святые места – в монастыри Германии или Франции или в Испанию, на Путь Святого Иакова, чтобы попасть в Сантьяго-де-Компостелу. Иные ехали на юг – в знаменитый храм Михаила Архангела на итальянском полуострове Гаргано.

Но в этот день гостиница была почти пуста, если не считать грубого с виду мужчину. Этот человек с тревогой ждал, пока все уйдут ужинать – монахи в трапезную, крепостные в свои лачуги. Только после этого он вышел из конюшни, пробрался в гостиницу и скользящими шагами прокрался в полумраке к двери торговца из Толедо.

Он прижался ухом к двери и прислушался. В комнате никого не было. Тогда он проскользнул внутрь. Если он угадал верно, гости сейчас ужинают в трапезной за столом у настоятеля.

Человек, сутулясь, пошелся по комнате. Доски пола скрипели под его ногами. Он оглядывался вокруг зорким взглядом хищника, его зрачки блестели в темноте.

Обстановка в комнате спартанская: две кровати, стул и маленький столик, на котором стояла масляная лампа.

А где же сундук? Он, наверное, доверху набит серебряными монетами или драгоценностями. Куда они его поставили?

Хулько старательно обыскал комнату и при этом не сдвинул с места ни одной вещи. Все бесполезно, сундука не оказалось. Но он должен быть здесь!

– Проклятые паломники, – проворчал он, продолжая шарить в темноте.

Глава 3

После ужина продавец реликвий сел за стол в своем временном жилище, зажег лампу, вынул из сумы лист арабской бумаги, взял в руку гусиное перо, окунул его в чернила и начал писать.

Гийом же сразу свернулся клубочком на своей кровати. Он много лет отдыхал в трюмах, где, несмотря на сильную порой усталость, не мог заснуть из-за качки. Завтра ему предстояло выполнить важное поручение Игнасио.

Сам же Игнасио, закончив писать, вынул из сундука толстую рукопись, придвинул лампу к ее пергаментным страницам и начал читать. Так он провел примерно два часа, окутанный мерцающим светом лампы. Когда его зрение начало туманиться, он закрыл рукопись и положил ее обратно в сундук. Потом свернул в трубку письмо, запечатал его и опустил в суму. После этого погасил лампу и в темноте добрался до своей кровати.

Прежде чем лечь, взглянул в окно на силуэт монастырской церкви, и его сердце сжалось от дурного предчувствия.

Игнасио лег и накрылся одеялом, но уснуть не мог. Он вспоминал лицо Майнульфо из Сильвакандиды – большой выпуклый лоб, ослепительно-белые волосы и такая же белая борода, спокойные, голубые, как небо, глаза. Известие о смерти предыдущего настоятеля застало Игнасио врасплох. Он не ожидал такого удара: Майнульфо, несмотря на свой почтенный возраст, всегда был крепок телом. Возможно ли, что трудности суровой зимы сломали такого сильного человека?

Продавец реликвий беспокойно заворочался в постели. Бедный Майнульфо! Много лет покойный был единственным хранителем его тайны. «Не открыл ли он ее кому-нибудь? – подумал Игнасио. – Например, отцу Райнерио? А что, вполне возможно. Надо встретиться с новым настоятелем наедине, осторожно поговорить и понять, что ему известно».

Но у Игнасио не так много времени…

Он подумал о поручении, которое должен исполнить и ради которого граф срочно вызвал его из Святой земли.

Ему необходимо отыскать следы книги, которая может открыть людям невообразимые тайны, неизвестные ни одному философу или алхимику. Скоро он получит инструкции из Венеции.

Он сплел пальцы рук под затылком и стал рассматривать балки на потолке, похожие на ребра огромного скелета. Перед тем как сдаться сну, он подумал о том, что заметил после ужина, возвращаясь сюда вместе с Гийомом. В тени гостиницы он мельком увидел Хулько и Джинезио. Они оживленно разговаривали и очерчивали руками в воздухе размеры какого-то предмета – прямоугольного и довольно большого по объему.

Может быть, надо было внимательней присмотреться к поведению этих двоих крепостных? Несомненно, они обсуждали содержимое его сундука. Возможно, один из них сразу после этого побывал в комнате с целью поискать сундук.

Усталость мало-помалу одолела Игнасио. Его мысли потекли медленней, потеряли ясность и связность, и он уснул. Сон наполнился воспоминаниями и давними страхами и превратился в бред. Именно в этот момент Игнасио услышал шорох, похожий на шум шагов. Будто кто-то ходил возле изножья его постели. Потом он увидел две ладони, заскользившие по одеялам, хватаясь за них. Продавец реликвий широко раскрыл глаза от изумления, но мог лишь бессильно следить за ними взглядом, его руки и ноги вдруг отяжелели, стали бесчувственными, как у куклы.

Пока ладони шарили в постельном белье, над кроватью поднялась какая-то тень – ему показалось, что она отделилась от ночной тьмы, – и придавила Игнасио грудь. Потом тень

стала черным плащом. Все те же ладони – невероятно белые – теперь высовывались из рукавов плаща и сжимали кинжал в форме креста. Из-под капюшона показалось лицо, даже не лицо вовсе, а Красная Маска.

Продавец реликвий задрожал, эта маска была ему хорошо знакома.

Вдруг его дыхание остановилось, и он стал падать в глубокую пропасть. Кошмар исчез, в ушах зазвучал целый рой голосов и шумов. Он – беглец. Он шел через горы с драгоценным грузом. От страха у него защипало в желудке и ногах, в лицо подул ледяной ветер. Потом белизну снега сменила зелень хвойных деревьев, горы уступили место холмам, а холмы – равнине. Солнце стало не таким ярким, дороги превратились в запутанный лабиринт троп, терявшихся среди рек и зарослей тростника. Сквозь туман завиднелись лагуны и болота.

Сзади все громче звучали голоса преследователей. Они уже догоняли Игнасио, но наконец неожиданно вспыхнул свет.

И он увидел улыбку Майнульфо из Сильвакандиды.

Ночь растворялась в медленно розовевшем, словно еще не очнувшемся ото сна небе. Братья монахи пели хвалебные молитвы в монастырской церкви.

Гийом был уже на ногах. Игнасио зевнул и мысленно возблагодарил небо за то, что в очередной раз не умер от кошмаров. Он опустил руку в свою суму, вынул письмо, которое написал ночью, и подал его своему спутнику.

– Я полагаюсь на тебя. Твое задание не опасно, но будь внимательным: у этих лагун есть глаза и уши. К сожалению, я не могу сопровождать тебя, ты знаешь. Я не могу допустить, чтобы меня кто-нибудь узнал, сейчас это слишком большой риск. Следуй моим указаниям, и избежишь трудностей.

– Отдыхай, мой друг, ни о чем не беспокойся. Я вернусь как можно скорей, – ответил Гийом.

Сказав это, он выскользнул из гостиницы, не замеченный никем обошел вокруг собора и двинулся по тропе, которая вела к плотинам. Вдруг он услышал за спиной шум и спрятался за тростниками. С одного из холмов спускались несколько крепостных. Их руки и ноги были запачканы тиной. Среди них был Хулько, легко узнаваемый по странной походке.

Эти люди шли к церкви, несли моток сетей и корзины, в которых извивались рыбы. Француз подождал, пока они пройдут мимо, и побежал к одной из плотин.

За плотиной текла вода в канале. Гийома ждал лодочник на маленькой, низко сидевшей в воде лодке. Француз прыгнул в суденышко, кивком поздоровался с перевозчиком, протянул ему четыре монеты и сказал:

– Отвези меня в аббатство Помпоза.

Лодочник согласился, опустил в воду длинное весло, оттолкнулся им ото дна, и лодка направилась к северу.

Глава 4

В конце утра, после службы третьего часа[1], Игнасио вышел из своей комнаты и спросил двух монахов, где сейчас находится Райнерио. Они указали ему на особняк рядом с церковью, точно напротив ее фасада. Здание было маленькое, но массивное, с изящными украшениями из терракоты вдоль стен. Отсюда настоятель управлял своими землями, здесь занимался хозяйственными и представительскими делами, поэтому дом прозвали «каструм аббатис», что на латыни означало «крепость настоятеля».

Под стеной особняка ждала милостыни кучка нищих. Игнасио миновал их без затруднений, вошел в главные двери особняка и зашагал по коридору нижнего этажа, оставляя за спиной входы в боковые помещения, пока не оказался в противоположном конце коридора перед огромной деревянной дверью. За ней кто-то разговаривал.

Игнасио постучал, но никто не ответил.

Тогда он прижался к двери и громко сказал:

– Я хотел бы побеседовать с аббатом.

Разговор за дверью мгновенно оборвался, и прозвучал ответ:

– Это вы, мастер Игнасио? Входите, дверь открыта.

Торговец сделал шаг вперед и оказался в комнате, которая имела довольно приветливый вид. Вдоль стен стояли шкафы, а между ними висели иконы. Игнасио окинул взглядом мебель. Она была подобрана со вкусом, но, возможно, слишком роскошна для бенедектинца, которому по уставу его ордена полагалось жить скромно. Но аббаты, подобно знатным мирянам, любили услаждать себя дорогими забавами.

Райнерио из Фиденцы сидел за столом в дальнем конце комнаты. Стол был завален книгами и листами пергамента. Настоятель сидел в кресле, обитом красным бархатом, и, по всей видимости, диктовал какие-то замечания своему молодому секретарю. Он поднял взгляд от стола, повернулся к вошедшему и приветливо сказал:

– Мастер Игнасио, идите сюда. Я как раз закончил работу.

Потом он быстро отослал секретаря:

– Можете уйти, Угучо. Продолжим позже.

Молодой монах в ответ лишь молча кивнул, закрыл маленькую записную книжку – две соединенные между собой и покрытые воском дощечки, на которых записывал слова аббата, и вышел из комнаты, закрыв за собой дверь.

Райнерио улыбнулся:

– Ваше присутствие здесь – неожиданный дар. – Настоятель вежливо указал рукой на один из стоявших вокруг стола стульев, предлагая гостю сесть. – Вчера за ужином вы мало говорили и даже не намекнули на причину вашего прихода.

– Вчера я устал, – стал оправдываться торговец реликвиями, садясь напротив аббата. – Путешествие по морю очень утомляет и тело, и душу. Но теперь, после хорошего сна, ко мне вернулись силы.

– Тогда расскажите мне о вашем путешествии.

Райнерио, предвкушая удовольствие от беседы, откинулся на спинку кресла и сложил ладони под подбородком, переплетя пальцы.

– До сих пор вы не проявляли ко мне так много интереса, – заметил Игнасио, стараясь скрыть возникшее у него подозрение.

---

[1] Церковный третий час – девять часов утра по нашему счету времени. *(Здесь и далее примеч. пер.)*

* * *

Торговец из Толедо собирался рассказать о себе и своем путешествии, а взамен рассказа попросить у аббата толику правды. С первой же секунды, едва они встретились, он почувствовал, что Райнерио за своей вежливостью и готовностью услужить явно что-то от него скрывает. Игнасио уже догадывался, что именно, но для пущей уверенности хотел заставить его открыться. Для этой цели беседа наедине подходила как нельзя лучше.

Подавляя хитрую лисью улыбку, готовую появиться на лице, Игнасио рассказал о том, как присоединился к Четвертому крестовому походу и стал свидетелем разграбления Константинополя. Он говорил о венецианском доже, который был душой этого похода, о крестоносцах, которые пошли за дожем. Чтобы обогатиться за счет военной добычи, эти люди без всяких угрызений совести резали восточных христиан. Со стыдом, не столь, впрочем, сильным, Игнасио вспоминал, как сам участвовал в подобном грабеже. Он никого не убил и не ранил, тем не менее разбогател на чужом несчастье.

Он не вдавался в подробности войны и насилия, зато долго описывал чарующую красоту залива Золотой Рог и византийских зданий.

Помимо этого путешествия, Игнасио совершил и много других. После Константинополя он отправился на венецианскую лагуну и использовал эту возможность, чтобы по пути побывать у своего друга Майнульфо и братии его монастыря.

– Тогда мы с вами и познакомились, помните, Райнерио?

– Разве я мог бы это забыть? – ответил настоятель. – Это было в марте 1210 года, я только что перебрался сюда из Болоньи. Если мне не изменяет память, вы прибыли сюда по делам, встретились с духовником императора Оттона Четвертого, который тогда проезжал через эти места, и продали ему несколько реликвий.

Игнасио кивнул и стал рассказывать о том, как покинул Италию и побывал в Бургундии, а затем в Толедо, где жил в юности. После этого он сел в Гибралтаре на корабль, который ходил вдоль берегов Африки в египетский город Александрию.

Он не объяснил причину своих постоянных переездов. Скорее всего, он постоянно блуждал по миру и нигде не находил покоя.

Райнерио слушал его внимательно, не упуская ни единого слова.

– То, что вы рассказываете, невероятно! Вы должны записать свои рассказы, – сказал он посреди повествования. – Но теперь удовлетворите мое любопытство в другом отношении. Ваше занятие – находить и приобретать реликвии святых. При таких обстоятельствах вы должны были присутствовать при многих чудесах. Какие они были?

– В своих путешествиях я нашел много реликвий, – подтвердил торговец. – Но поверьте мне, среди них не было ни одной выдающейся.

– Вы это серьезно?

Игнасио наклонился вперед и положил локти на стол.

– Реликвии – это обыкновенные предметы, в них не заключена чудесная сила. Кости, зубы, клочки одежды. Все это можно найти на любом кладбище.

– Следите за своими словами! – возмутился настоятель и ударил по столу кулаком. – Реликвии свидетельствуют о самопожертвовании и благочестии святых, перед ними молятся верующие.

Кроме презрения, торговец заметил в его лице что-то более глубокое и опасное.

– Возможно, вы правы, – смиренно согласился он. – Однако, путешествуя, я обнаружил, что служители церкви порой злоупотребляют почитанием реликвий, превращая его в нечто похожее на поклонение идолам и на суеверие.

– Глупости! Вы не можете доказать это.

– Напротив, я могу, поскольку сам был свидетелем этого. В некоторых монастырях, когда реликвия не «внемлет благосклонно» молитвам верующих, ее бросают в колючие кусты или в пепел. Я много раз видел этот обряд своими глазами и уверяю вас, он больше похож на колдовство, чем на христианское богослужение.

– Это неслыханно!

– Я понимаю ваше презрение, но уверяю вас, подобное случается.

Райнерио полузакрыл глаза и произнес:

– В этом виновато наше мрачное время – варварское время.

– Виноваты люди, – возразил Игнасио. – Человек несет в себе тьму и свет – везде и во все времена.

Оба замолчали.

Настоятель дотронулся указательным пальцем до ямки на своем подбородке. Похоже, что ему не терпится поговорить с гостем о чем-то. В конце концов он не смог удержаться и спросил:

– Значит, Игнасио, вы не хотите поведать о своей тайне?

Торговец ждал этого вопроса. Его брови поднялись, он внимательно всмотрелся во взволнованное лицо своего собеседника.

– Поговорим о ней, – согласился он. – Но сначала скажите мне, что вам говорил о ней Майнульфо из Сильвакандиды. Мне бы не хотелось надоедать вам, повторяя то, что вы уже знаете.

– Правду говоря, я знаю мало, – ответил Райнерио, глубже усаживаясь в своем кресле, в его глазах блеснул какой-то двусмысленный огонек. – Майнульфо признался мне, что вы прячете в этом монастыре что-то очень ценное. Что-то, за чем вы рано или поздно вернетесь сюда.

– Это здесь известно многим. Вам бы надо быть точней, если хотите продолжать этот разговор.

– Майнульфо много раз обещал мне, что расскажет все об этом, но его внезапная смерть не позволила это сделать, – попытался оправдаться аббат.

– Вообще-то вам нет необходимости знать эти сведения прямо сейчас, – сказал торговец. Втайне он успокоился: Майнульфо сдержал клятву и не раскрыл его тайну даже своему преемнику.

– Но я же настоятель! – возразил Райнерио, внезапно дав волю терзавшей его тревоге. – Я отвечаю за монастырь и должен знать, что спрятано в его стенах.

– Уверяю вас, преподобный отец, ничего важного, – успокоил его Игнасио, продолжая слышать в уме не допускающий возражения гневный тон настоятеля.

Он поднялся, давая понять, что разговор окончен:

– Потерпите немного. Через несколько дней я уйду из монастыря по своим делам. Когда вернусь, а это самое позднее через несколько месяцев, то открою вам свою тайну. Обещаю вам.

Аббат в ответ лишь что-то проворчал с досадой. Уж слишком слабое утешение!

Глава 5

Аббатство Помпоза было уже близко, Гийом вглядывался в даль, стараясь рассмотреть что-нибудь за полупрозрачной зеленой дымкой молодой листвы, окутавшей вершины холмов, на которые поднималась дорога. Он сумел различить шпиль аббатства, залюбовался его тонким силуэтом, пока не перевел взгляд выше, на белые перистые облака, разбросанные по небу.

Мирный покой этого места словно околдовывал Гийома. Молодой француз напомнил себе, что должен быть настороже, ведь он выполняет поручение Игнасио. Торговец не рискнул доверить свои письма гонцу аббата Райнерио, опасаясь, что аббат прочтет их перед тем, как отправит по назначению. Поэтому Игнасио тайно отправил Гийома в соседнюю Помпозу, где его никто не знал.

Пока молодой француз думал об этом, лодочник между взмахами весла бросал взгляды на рукоять кривого меча, похожего на сарацинскую саблю, который выглядывал у Гийома из-под плаща. Лодочник старался, чтобы пассажир не заметил его любопытства, но оно отражалось в его лице и потому было замечено. Гийом вдруг повернулся, пронзил его холодным взглядом и резким движением руки поправил плащ, закрыв саблю. Лодочник быстро отвел взгляд в сторону: никто, даже бешеный пес, еще никогда не смотрел на него так.

Был почти полдень, когда Гийом понял, что прибыл на место. Как только лодка коснулась берега, он вылез и отпустил перевозчика.

Пока Гийом шел к аббатству, он вспомнил то, что слышал о нем от Игнасио. Помпоза – один из самых знаменитых бенедиктинских храмов на полуострове, его называли *«первый монастырь Италии»*. Правда, для Гийома это не имело большого значения.

Он подошел к одному из монахов и вежливо поздоровался.

– Простите, отец, но я должен срочно отправить письмо в Венецию. И мне бы хотелось переночевать здесь, чтобы дождаться ответа. Это очень срочное дело, – сказал он, как посоветовал ему Игнасио. – К кому я мог бы обратиться за разрешением?

– Спроси отца привратника, сынок, – ответил бенедиктинец. – А если торопишься, можешь доверить свое письмо морякам. Видишь их там, сзади? Они направляются в Павию, но сначала сделают остановку в Венеции.

Гийом поблагодарил его и побежал к тем людям, на которых указал монах. Они грузили мешки с солью на корабль, пришвартованный к берегу канала.

Глава 6

Игнасио замолчал и теперь искоса смотрел на Райнерио, ожидая разрешения уйти. Но вдруг единственная дверь комнаты открылась, и вошел монах маленького роста, коренастый, с шапкой черных волос над румяным лицом. Несмотря на возраст – вероятно, более шестидесяти лет, – его лицо напоминало личико купидона.

Вошедший поприветствовал торговца поклоном, потом с совершенно недопустимым в подобном случае выражением лица повернулся к аббату и сказал на латыни с тосканским акцентом:

– Отец, вас ждут в трапезной. Там уже подают завтрак.

– Уже так поздно, я и не заметил, – ответил Райнерио, указал рукой на продавца реликвий и представил его: – Это Игнасио из Толедо, друг, прибывший к нам издалека. Вы, конечно, заметили его вчера вечером в трапезной, он сидел рядом со мной.

– Я слышал о вас, мастер Игнасио. Аббат Майнульфо из Сильвакандиды высоко вас ценил, – ответил монах.

«Чем так расстроен настоятель, у него даже появились темные круги под глазами?» – подумал он с досадой, хотя, честно говоря, ему было почти приятно видеть Райнерио в таком состоянии.

– Я Гвалумберто из Пратальи, писарь и библиотекарь. Прошу прощения за вторжение. Надеюсь, я не помешал чему-то важному?

Торговец покачал головой и ответил:

– Ничего страшного, мы уже закончили.

Райнерио недовольно вздохнул, оперся руками о подлокотники кресла и поднялся на ноги, готовясь уйти.

– Вы пойдете на завтрак вместе с нами, отец Гвалимберто? – спросил он, повернувшись к библиотекарю.

– К сожалению, нет, я все еще страдаю от этого невыносимого жжения в желудке. Прошу вашего разрешения побыть в комнате для переписки рукописей до девятого часа, если это возможно.

– Разрешаю. А вы, Игнасио, составите мне компанию в трапезной?

Торговец переглянулся с Гвалимберто и ответил:

– У меня тоже нет аппетита, преподобный аббат. Я полагаю, что мог бы воспользоваться этим случаем и попросить отца Гвалимберто показать мне библиотеку, если он не против.

– Это большая честь для меня, – вступил в разговор монах. – Если, конечно, аббат одобрит.

– Одобряю, – ответил Райнерио, отходя от них, и вышел из комнаты.

Оставшись вдвоем, Игнасио и Гвалимберто поднялись на верхний этаж «крепости настоятеля» к библиотеке. Перед тем как войти, остановились возле окна, разделенного пополам маленькой колонной, и разговорились о том о сем, наслаждаясь прохладой, поступавшей снаружи.

Гвалимберто продолжал жаловаться на боли в желудке, которые, судя по всему, мучили его уже много месяцев, Игнасио терпеливо слушал его. Торговцу было приятно общество библиотекаря, и главное – он был благодарен Гвалимберто за то, что тот дал ему предлог оказаться подальше от Райнерио. Многое в этом монахе вызывало у Игнасио любопытство. В какой-то момент продавец реликвий украдкой взглянул в окно, и его внимание вновь привлекло уже знакомое зрелище: Хулько и Джинезио беседовали возле гостиницы и казались очень взволнованными.

Теперь Игнасио был уверен: здесь плетутся какие-то интриги.

Игнасио не понадобилось много времени, чтобы сделать нужные выводы. Он быстро понял, что делать, и, повернувшись к Гвалимберто, сказал:

– Преподобный отец, у меня есть лекарство против вашей язвы желудка.

– В самом деле?

– Нужно только приготовить лечебное питье из некоторых трав.

– И вы знаете из каких?

– Это редкие травы, но некоторые из них у меня есть. Они в моей комнате. Если вы наберетесь терпения и подождете меня совсем немного, я буду рад подарить их вам.

– Вы очень добры, – поблагодарил Гвалимберто.

– Но в ответ я прошу вас оказать мне одну услугу, – сказал Игнасио, продолжая глядеть в окно. – Не могли бы вы показать мне, где здесь второй выход?

Чтобы объяснить свою просьбу, он указал на нищих, ждавших у входа.

– Видите их? Они ведут себя со мной очень назойливо, и мне не хочется попасть в неприятную историю. Поэтому не хотел снова проходить там.

Библиотекарь кивнул, взял его за руку и сказал:

– Идемте, я проведу вас. Из «крепости аббата» есть и второй выход, сзади.

Глава 7

Хулько все утро бродил перед гостиницей. Притворялся, что гуляет просто так, но то и дело бросал в ее сторону быстрый взгляд. Время от времени из какого-нибудь ее окна высовывался Джинезио и отвечал на эти взгляды жестами, как актер пантомимы.

Прошло около часа с тех пор, как торговец из Толедо вышел из своей комнаты. Все это время Хулько делал вид, что ворошит вилами сено в стойлах, сам же проследил за ним и увидел, что Игнасио пошел в «крепость аббата».

Пора было браться за дело.

Хулько очистил от навоза ступни и колени и торопливо пошел к гостинице. Джинезио открыл дверь и заставил Хулько быстро юркнуть внутрь.

– Что ты здесь делаешь? – накинулся управляющий на крестьянина, запирая за ним дверь. – Тебе нельзя входить сюда! Белобрысый еще в комнате, я не видел, чтобы он выходил.

– Зато я видел его на заре. Он ушел, – прошамкал Хулько. – Я заметил его случайно, когда доставлял пойманную рыбу в кладовые. Он спрятался за колючими кустами, а потом побежал к каналу. Я это заметил, потому что следил за ним краем глаза.

Джинезио все же не решался рисковать.

– Ты не можешь пойти туда сейчас, уже время завтрака. Испанец вот-вот выйдет из особняка. Он может снова зайти сюда.

– На мой взгляд, аббат пригласит его за свой стол, как вчера вечером.

– Может быть, и так, но в этот раз ты не должен потерпеть неудачу. Проверь под кроватями, они поворачиваются вокруг своей оси. Спорю на что угодно, сундук спрятан там, под полом.

– А почему ты не пойдешь сам? Как грязная работа, ее всегда подсовывают мне!

– Я не могу ставить себя под подозрение, я отвечаю за эту гостиницу, – ответил Джинезио, помолчал и добавил: – *Он* сказал, что пойти должен ты.

При этих словах Хулько вздрогнул и едва не подскочил на месте.

– Раз так, я сделаю, как приказал *он*.

В этот момент сообщники заметили, что аббат Райнерио вышел из своей «крепости». Он шел в трапезную, но был один, горбился и хмурился.

– А испанец где же? – подумал вслух Джинезио.

– Там, в особняке. Смотри, он показался в окне.

Джинезио взглянул на то место «крепости аббата», куда указал Хулько. На втором этаже, у разделенного пополам маленькой колонной окна, увлеченно беседовали два человека – отец библиотекарь и торговец из Толедо.

– Испанец разговаривает с отцом Гвалимберто, – удивленно сказал управляющий гостиницей.

– Вот увидишь, они там пробудут долго. Во всяком случае, нам времени хватит, – ухмыльнулся Хулько, которому не терпелось покончить с порученным делом. – Я пойду, а ты смотри в оба, чтобы никто не вошел.

Джинезио не успел ответить сообщнику, тот уже бежал к лестнице.

Добравшись до комнаты торговца, Хулько решил, что нет смысла соблюдать тишину, поблизости все равно никого нет. Он вошел в комнату, внимательно оглядел ту ее часть, где стояли кровати. В этот раз сундук стоял на видном месте. Ему не придется утруждать себя поисками.

Выставив вперед ладони, вытянув грязные пальцы, Хулько пошел вперед. Он уже нагибался над сундуком, когда что-то острое кольнуло его в шею. Нож!

Он не успел ничего сделать, чья-то ладонь ухватила его за запястье правой руки и обездвижила. Кости позвоночника хрустнули.

Хулько почувствовал, что его тащат внутрь комнаты. Тот, кто держал его, был высокого роста, двигался легко и почти бесшумно.

«Это конец, – подумал Хулько. – Он меня убьет».

Лезвие сильней надавило на его шею. Металл стал вонзаться в тело, оставляя красный след на грязной коже. Но вдруг лезвие остановилось, и чей-то голос произнес за спиной у Хулько:

– Если я снова обнаружу тебя в этой комнате, перережу горло.

Хулько догадался, кто это говорит – торговец. Как, черт его побери, он смог оказаться здесь так быстро? Почему Джинезио не сумел его задержать? Этот человек, должно быть, колдун, раз умеет двигаться как кот.

Хулько не успел ни подумать о чем-нибудь еще, ни сделать что-нибудь, он оказался у двери, и только теперь нож перестал давить ему на шею. Лезвие было испачкано его кровью, Игнасио вытер нож о спину куртки Хулько, потом схватил своего врага за плечи и отшвырнул от себя пинком под зад.

Хулько вылетел в дверь и упал на пол в коридоре, больно ударившись носом и коленями. Он оперся руками о пол и стал поворачиваться как можно быстрей, желая напасть на врага, но острое лезвие снова оказалось у него под подбородком. Торговец стоял над ним, нагнувшись, и пускал в ход свой нож с таким равнодушием, будто всего лишь играл с серебристым перышком.

– Ты действительно думаешь, что мужлан вроде тебя может провести меня за нос? – спросил Игнасио с насмешливой улыбкой, тоном, внушавшим страх. – А теперь уходи, пока я не передумал.

Хулько попятился, но торговец схватил его за воротник.

– Помни об этом! – крикнул Игнасио, покрутил ножом у Хулько перед глазами так, что засверкало лезвие, и только после этого отпустил.

Хулько дрожал крупной дрожью. Он дотронулся рукой до шеи, по которой текла кровь из пореза, опустил голову и быстро зашагал прочь от опасного места.

Игнасио смотрел ему вслед. Когда Хулько скрылся, торговец положил свой нож во внутренний карман рубахи, открыл сундук, вынул из него кожаный мешочек и достал оттуда травы для Гвалимберто. Затем вышел из комнаты и спокойно спустился по лестнице. Выходя из дверей гостиницы, он прошел близко от двух сообщников. Те укрылись за стойкой и оживленно обсуждали то, что произошло.

Джинезио посмотрел на торговца так, словно увидел привидение, потом повернулся к все еще дрожавшему Хулько и сказал:

– Уверяю тебя, я не видел, как он вошел. Не знаю, как он это сделал.

Игнасио удовлетворенно усмехнулся и вернулся в «крепость аббата».

Теперь он был уверен: эти двое больше никогда не сунутся в его комнату.

Глава 8

Аббат только что вошел в трапезную, опоздавшие монахи торопливо входили туда вслед за ним. Среди них Уберто, который в этот момент шел через двор, поддерживая за руку старика монаха, отца Томазо из Галеаты.

Старик быстро уставал от ходьбы и при каждом шаге шатался на своих тонких кривых ногах.

– Это моя последняя весна, сынок. Господь призывает меня к себе, – сказал Томазо. Он повторял это уже лет десять.

Мальчик улыбнулся, но продолжал думать о своем. Минуту назад он заметил, как кто-то вышел из задней двери «крепости аббата», подбежал к гостинице и стал взбираться по внешней лестнице, которая была пристроена к одной из боковых стен. Джинезио стоял на своем посту у главного входа и ничего не заметил. Потом человек исчез – должно быть, влез в одно из окон второго этажа.

– Это Игнасио, торговец из Толедо, – подумал вслух Уберто.

– Ты увидел странника Игнасио? – спросил старик и закашлялся.

– Мне показалось, увидел.

Старый монах кашлянул снова, на этот раз чтобы прочистить горло.

– В этом Игнасио есть какая-то загадка, несомненно. Я познакомился с ним, когда он оказался здесь в первый раз. Тогда он пребывал в полном отчаянии.

Уберто, у которого эти слова вызвали любопытство, ласково попросил Томазо:

– Расскажи мне, что ты о нем знаешь, дедушка.

Мальчик обычно называл Томазо дедушкой, потому что тот больше всех монахов заботился о нем с его младенческих лет.

Старый монах замедлил шаг и вдохнул в грудь теплый полуденный воздух.

– Он тогда спасся бегством из Германии. Мне сказал это Майнульфо из Сильвакандиды и просил никому не рассказывать. Ты первый, кому я говорю об этом. Это деликатное дело, и мне была открыта из него лишь очень малая часть.

Уберто кивком поблагодарил его за доверие.

И тогда Томазо рассказал ему про те годы жизни Игнасио, о которых знали немногие.

– Все началось в 1202 году, когда торговец из Толедо познакомился с Вивьеном де Нарбоном, бродячим монахом, о котором ходила дурная слава. Вдвоем они осмелели и связались с высоким церковным иерархом из Кельна, может быть, даже с самим кельнским архиепископом. Они показали ему несколько ценных реликвий, добытых ими неизвестно где в своих путешествиях по миру.

Уберто спросил о реликвиях, но старик о них ничего не знал.

Томазо крепче сжал плечо своего молодого спутника и продолжил:

– По неизвестным мне причинам у них ничего не вышло. Даже, кажется, тот, кто вел с ними переговоры, оказался членом тайного суда, который заседает в Германии и имеет сторонников по всему миру.

– Тайный суд? Что это такое?

– Я ничего о нем не знаю и думаю, лучше не знать.

Старик закашлялся, потом снова заговорил хриплым голосом:

– У Игнасио оставался только один выход – бежать. Но те люди гнались за ним. Он прошел через Францию, пересек Альпы, обошел стороной Венецию и укрылся в нашем монастыре. Аббат Майнульфо приютил его, и Игнасио скрывался здесь, но недолго, а потом отправился на Восток.

– А Вивьен де Нарбон? Что с ним стало?

– Во время своего бегства два товарища расстались. Майнульфо не сказал мне, что сталось с Вивьеном, не исключено, он и сам не знал. Да и Игнасио тоже.

Уберто открыл рот для следующего вопроса, но Томазо опередил его:

– Уже поздно. Скорей, сынок, идем в трапезную, не то останемся без завтрака.

Глава 9

Гвалимберто из Пратальи ждал Игнасио у библиотеки. Лицо у него было задумчивое. Когда торговец вернулся, Гвалимберто ходил кругами перед ее входом, сложив руки на животе.

– Вот и я, отче, – сказал Игнасио и показал ему кожаный мешочек с кореньями.

– Вы говорите, они помогают?

– Травы и коренья имеют лечебные свойства. Я думаю, вы прекрасно знаете об этом. – Игнасио приподнял одну бровь. – А теперь, если мой вопрос не покажется вам нескромным, скажите мне, по какой причине вы не любите аббата Райнерио?

Вопрос был настолько неожиданным, что застал монаха врасплох.

– Это не так! Как вы могли… – попытался возразить Гвалимберто. Его лицо приобрело лиловый оттенок.

– Пожалуйста, не лгите, – остановил его торговец уже другим, доверительным тоном. – Я заметил, с каким презрением вы поворачиваетесь к нему.

Игнасио знал, что сейчас получит от библиотекаря искренний ответ, между ними возникло что-то вроде тайного сговора.

– Умоляю вас, не подумайте плохого, – запинаясь, начал Гвалимберто, – просто я так же, как многие братья, не могу привыкнуть к его манере держаться надменно. – Он прикусил губу, но не смог удержаться и продолжил: – Кроме того, Райнерио не достойный преемник Майнульфо. Он занял это место незаконно, путем обмана.

Игнасио лишь молча кивнул в знак понимания, не хотел превращать разговор в допрос. Нужные признания скоро прозвучат, если не торопить их и дать беседе течь спокойно.

Монах, возможно, уже жалел, что сказал слишком много, он опустил глаза и сказал так, словно приглашал гостя в свой дом:

– А теперь пойдемте в библиотеку. Позвольте мне показать ее вам.

Библиотека «крепости аббата» была в неопрятном состоянии. Всюду сырость, несмотря на открытые окна. Книги, потрепанные временем и руками читателей, так пахли плесенью, что в комнате было невозможно дышать.

Заглядывая в книжные шкафы, Игнасио заметил сочинения Августина, Исидора из Севильи, Григория Великого и Амвросия. В основном труды о Священном Писании, но были и писатели-язычники, например Аристотель и Сенека.

Продавец перелистывал страницы, иногда быстро прочитывал фразу, потом цитировал тексты, которых здесь не было, – редкие, странного содержания книги, неизвестные Гвалимберто.

Библиотекарь внимательно слушал его и задавался вопросом: кто этот человек? Игнасио говорил с акцентом, но с каким, нельзя было определить – в основном кастильский, однако с легким мавританским оттенком.

– Вы хорошо подготовлены, – сказал он торговцу в какой-то момент. – Где вы учились?

– В Толедской школе, – ответил Игнасио, сдувая пыль с пальцев. – Я обучался у Герардо из Кремоны.

– У знаменитого Герардо, который в Испании изучал оккультные сочинения мавров! Он великий наставник! – с почти восторженной радостью воскликнул монах. – Значит, вы, несомненно, посвящены в тайны алхимии и герметических наук.

На губах Игнасио мелькнула мрачная усмешка.

– Прошу вас, отец, поговорим о чем-нибудь другом. Некоторых тем в беседе лучше избегать.

Гвалимберто, похоже, был разочарован этим ответом.

– Вы правы. Но все же я хотел бы вас предупредить. Люди вашего ума часто бывают неверно поняты в таких местах, как это, и становятся жертвами. Не доверяйте в этом монастыре никому, особенно Райнерио из Фиденцы.

– Вы уже второй раз называете его имя, – сказал Игнасио, повернулся к собеседнику и вонзил в него проницательный взгляд. – У вас есть доказательства его нечестности или только подозрения? Говорите без страха.

– Подозрения? Впрочем, как я полагаю, и у вас. – Сочные губы Гвалимберто сложились в лукавую улыбку. – Бьюсь об заклад, вы не поверили тому, что он рассказал о кончине Майнульфо из Сильвакандиды.

– Что вы хотите сказать?

– Что его рассказ – ложь. Майнульфо умер не от зимнего холода. Райнерио солгал вам и всем.

– Это тяжелое обвинение. Скажите мне, что же, по-вашему, случилось со стариком?

– Его труп не видел никто, кроме Райнерио. – Глаза монаха вдруг широко раскрылись и лихорадочно заблестели. – Ходят разговоры, что Майнульфо был убит, когда молился в своем скиту… и тело скрыли от глаз братии потому, что на нем были резаные раны.

Эти слова так потрясли Игнасио, что он схватил библиотекаря за руку и одним сильным рывком подтащил к себе. Монах подскочил на месте от изумления и стал сопротивляться, но не смог вырваться, у собеседника оказалась слишком крепкая хватка.

Потом он услышал вопрос торговца и понял, что Игнасио не угрожает ему, а хочет скрыть свои слова от чужих ушей.

– Виновник известен? – шепнул Игнасио.

– Нет, – поспешно ответил библиотекарь. Игнасио крепче сдавил его руку, заставляя говорить дальше. – Но… перед смертью Майнульфо Райнерио впустил в гостиницу странного человека – монаха с порезанным лицом. Мало кто видел этого монаха, а сразу после смерти старого настоятеля он исчез без следа.

Игнасио разжал пальцы.

– Его имя?

Гвалимберто отошел от него на шаг, опустил глаза и ответил:

– Я порылся в бумагах Райнерио… Знаю, я не должен был этого делать, но любопытство пересилило достоинство. – Он вздохнул. – Оказалось, аббат очень часто пишет этому человеку и получает письма от него. Это доминиканский монах, его имя – Сципион Лазарус. Очевидно, он имеет большое влияние в Риме и даже в лангедокском городе Тулузе.

– Сципион Лазарус, – почти не разжимая губ, повторил торговец. Он впервые слышал это имя.

– Судя по содержанию писем, Райнерио был назначен на должность настоятеля благодаря этому человеку и потому находится у него в долгу.

Игнасио задумчиво погладил ладонью бороду и подвел итоги:

– Несомненно, одно – этот Сципион Лазарус имеет какое-то отношение к смерти Майнульфо из Сильвакандиды и назначению Райнерио. Новый настоятель, должно быть, всего лишь марионетка в его руках.

– Это очевидно. Но из тех писем я узнал еще кое-что, и это касается вас.

– То есть?

– Сципион Лазарус проявляет к вам нездоровый интерес. По его словам, Райнерио сообщает ему все, что удается узнать о вас.

Игнасио показалось, что он попал в паутину и даже не видит, где у нее края. Монастырь Святой Марии у Моря перестал быть надежным убежищем для него и подходящим укрытием для его тайны.

Надо уходить отсюда как можно скорее.

Глава 10

Следующие несколько дней Игнасио спокойно отдыхал в своей комнате и ждал, пока вернется Гийом. Иногда он поднимался в библиотеку и обменивался парой слов с Гвалимберто, но редко искал общества аббата.

Во время прогулок по двору ему часто случалось встречаться с мальчиком Уберто. Сначала они только здоровались друг с другом, потом стали беседовать. В конце концов, между мальчиком и торговцем возникла обычная дружба, напоминавшая отношения ученика и учителя.

Уберто вырос в этом монастыре, но чувствовал, что сильно отличается от братьев монахов. Несмотря на запрет далеко уходить от обители, он не был ни монахом, ни крепостным. Ему не раз предлагали принять монашеский обет, но мальчик отказывался. Его рассудочный ум не находил очарования в монашеском служении Богу. Кроме того, хотя Уберто любил всех монахов монастыря вместе, как свою семью, у него не было среди них близкого человека, с которым можно поделиться своими мыслями. Монахи жили в своем собственном мире молчания и уединения и обращали мало внимания на жизнь за стенами монастыря, а иногда и на обычные чувства.

Торговец из Толедо был другим. У него тяжелый характер, в нем таится что-то коварное, но с ним мальчику легко.

Игнасио в чем-то похож на него. Рассудительный и любознательный, всегда посередине двух миров – мирского и церковного. К тому же он много путешествовал, это очень привлекало к нему мальчика.

Во время разговоров между ними возникло странное взаимопонимание. Игнасио научил мальчика играть в шахматы. Странная игра, Игнасио ассоциировал шахматную доску с жизнью, и, объясняя своему ученику передвижения по ней фигур, он сравнивал эти ходы с поведением людей и с тем, что может произойти с человеком, если он не умеет правильно толковать события.

Уберто эти объяснения очень увлекли и привели в восторг. С тех пор он понял, что Игнасио – не обычный человек. Торговец смотрел на жизнь под своим собственным углом зрения. Он всегда отгораживался от мира, как щитом, мелькавшей на лице улыбкой и взглядом, внимательно изучавшим все вокруг, не позволяя другим изучать себя. И Уберто скоро обнаружил, что у каждого поступка Игнасио вторая, скрытая цель.

Через неделю возле монастыря Святой Марии у Моря к берегу причалила лодка.

Гийом вернулся.

Глава 11

Был уже полдень, когда Уберто позвали в кабинет настоятеля. Услышав об этом, мальчик сразу же помчался на верхний этаж «крепости аббата», пытаясь угадать, что его ждет. Когда он пришел к настоятелю, то застал у него Игнасио. Аббат и торговец сидели за столом один напротив другого. Оба жестами велели мальчику тоже сесть.

Первым заговорил аббат. Он кашлянул, чтобы прочистить себе горло, и сказал:

– Сынок, ты, должно быть, пытаешься понять причину, по которой тебя позвали сюда. Я не заставлю тебя ждать. Мастера Игнасио срочно вызывают по делам, и он уезжает от нас сначала в Венецию, а куда потом, пока неизвестно. – Настоятель помолчал, может быть подбирая подходящие слова.

Уберто не терпелось узнать, в чем дело. Он наклонился вперед со своего стула и то и дело с недоумением бросал взгляд на аббата.

Райнерио заговорил снова:

– Игнасио спросил, не знаю ли кого-нибудь, кто согласился бы последовать за ним в качестве помощника или, вернее, секретаря. Его спутник Гийом из Безье – верный и надежный друг, но не знает грамоты. – Настоятель подождал, пока Игнасио подтвердит его слова, и, когда тот кивнул в знак согласия, договорил: – Так вот, он предпочел бы, чтобы секретарем стал ты. Он считает тебя умным и достаточно образованным для этого. Ты подошел бы ему.

– Выбирай совершенно свободно, Уберто. Никто не обязывает тебя согласиться или отказаться, – уточнил Игнасио.

Мальчик удивился, ему пришлось сделать над собой усилие, чтобы не покачнуться. Слова, которые он услышал, снова и снова звучали в его уме, вызывая прилив восторга. Как он может отказаться от такого предложения?! Наконец у него появилась возможность покинуть монастырь, посмотреть на мир. Исполняется его самая большая мечта!

– Я соглашаюсь, и охотно, – не задумываясь, ответил он дрожащим от волнения голосом.

– Тогда решено, о тебе станет заботиться Игнасио из Толедо, – объявил аббат.

Торговец встал и положил руку на плечо мальчика.

– Ты уверен? Это важное решение, не принимай его необдуманно.

– Я уверен, – радостно ответил мальчик.

– Хорошо, – ответил Игнасио. Похоже, он был доволен. – Мы уходим завтра после хвалебных песнопений. Пойди и собери свои вещи в сумку, но не слишком нагружайся, мы отправимся в путь налегке. Я еще несколько минут побуду с аббатом, необходимо заполнить документы о том, что тебя доверяют мне.

Мальчик кивнул в знак согласия, попрощался и вышел из кабинета, все еще не веря в то, что произошло.

Глава 12

Ночь постепенно бледнела, словно кто-то разбавлял темноту водой, и превращалась в серое сумрачное утро. Слабый ветер дул вяло и едва касался метелок тростника.

Лодка была не та, на которой Гийом плавал в Помпозу, а другая, более длинная и вместительная, на ее корме стоял шатер, в котором вполне могли уместиться шесть человек. Киля у нее не было, изогнутый корпус был сделан из досок, скрепленных тонкими кожаными ремнями и склеенных смесью древесной смолы и дегтя.

Игнасио сел в эту лодку. За ним последовали Уберто и Гийом. К ним, разгоняя серый полумрак светом факела, подошел кормщик и спросил, куда плыть.

– В Венецию, – коротко ответил торговец, забираясь в шатер для пассажиров.

Кормщик передал это приказание четырем гребцам и пошел на корму к своему рулевому веслу. Зазвучали удары весел о воду – сначала беспорядочные, потом все более и более ритмичные.

На берегу несколько монахов, кутаясь в черные рясы, тихо кивали отплывавшим в знак прощания. Уберто не сводил с них глаз, пока черные фигуры не превратились в едва различимые силуэты, похожие на мираж. Теперь он долго не увидит их.

Игнасио взглянул в сторону монастыря Святой Марии у Моря всего один раз – с недоумением. Едва ли он когда-нибудь вернется сюда.

Он не знал, как будет отомщена смерть Майнульфо, но знал, что месть свершится.

Глава 13

В «крепости настоятеля» Райнерио из Фиденцы после короткого разговора отослал прочь Хулько и Джинезио. Эти двое не справились с простейшим заданием, и он сам едва не попался. Достаточно было Игнасио приставить нож к горлу Хулько и спросить его: «Кто тебя послал?» По чистой случайности торговец не задал этого вопроса. Должно быть, Игнасио решил, что эти два болвана сами решили забраться в его комнату. Вот одно из преимуществ быть аббатом: настоятеля монастыря редко в чем-нибудь подозревают.

Погрузившись в эти мысли, Райнерио глубже уселся в свое кресло, оперся локтями на его ручки и оперся подбородком о сплетенные пальцы ладоней и стал обдумывать последние слова, которые услышал от своих крепостных подручных перед их уходом.

– Он уехал без сундука, и мы знаем, где он его оставил, – сказали они про Игнасио.

Аббат долго сидел неподвижно в полумраке и думал о поручении, которое много лет назад дал ему Сципион Лазарус в одном тихом болонском монастыре. Наконец, Райнерио поднялся на ноги и направился в библиотеку. Он был готов завершить свой крестовый поход.

Время было позднее, в окнах виднелись звезды. По безлюдным в этот час коридорам и комнатам аббат, освещая себе путь лампой и внимательно вглядываясь в темноту, добрался под писк крыс до самого дальнего угла библиотеки. Направив луч лампы на пол, он вдруг заметил что-то… Вот он, сундук!

Джинезио и Хулько сказали правду, Игнасио оставил его здесь, доверившись Гвалимберто и поручив ему тайно хранить сундук в библиотеке до своего возвращения.

Аббат поставил лампу на землю и взмахнул тяжелым молотком, который принес с собой. Всего несколько ударов, и висячий замок, запиравший сундук, открылся. Райнерио положил свой инструмент на пол, поднял крышку и поднес ближе лампу. Сейчас он, наконец, узнает секреты Игнасио. Ему станут известны тайны, которые – Райнерио был в этом уверен – торговец раскрыл Майнульфо из Сильвакандиды.

В сундуке были не монеты и не драгоценности, а книги – целая груда книг. Аббат стал вынимать их по одной, скользя по заглавиям суровым взглядом следователя. С презрением и одновременно восхищением он обнаружил среди книг «О звездной науке» Альфранго, «О пятнадцати звездах» Мессахаллы, «Книгу о Роскоши» Гермеса и «Сто изречений» Абу Масара. Было и много других, незнакомых ему рукописей на арабском языке. Иероглифы на их страницах имели магический смысл, а рисунки были столь яркими, что почти резали глаз.

Значит, то, что говорили про Игнасио, правда! Торговец из Толедо действительно колдун! Если у Райнерио и оставались какие-то сомнения на этот счет, их развеяло то, что лежало в свертке на дне сундука. Аббат развернул этот сверток, неоднократно перекрестился и вынул из упаковки золотую статуэтку.

Райнерио еще никогда не видел ничего подобного. Это был идол, изображавший бородатого мужчину с четырьмя руками, в венце, украшенном рядом звериных голов, с поднятым, как у сатира, фаллосом, с шестью оперенными крыльями, вся поверхность которых была покрыта глазами.

Надпись у ног идола гласила: «Гор Многоглазый, похожий на ангелов-херувимов».

Но глаза Райнерио видели совсем не херувимов. В его уме звучали предостережения Отцов Церкви, проклинавших языческих идолов и уподоблявших их демонам. Языческие божества – посланцы сатаны. Его нечистая сущность делала их холодными и тяжелыми, и поэтому они были подвластны притяжению Луны. Они таились во мраке и не могли воспарить в небеса, к ангельским хорам, а парили в воздухе между облаками и морскими волнами, как клочья тумана, который гонит ветер, и приносили беду людям.

От этих мыслей Райнерио был как в бреду. Но сильней их он ненавидел Игнасио. К ненависти примешивался страх: людей всегда пугает то, что им неизвестно.

Однако аббат овладел собой. Снова принялся рыться в сундуке и вынул оттуда свернутую в трубку пачку листов, перевязанную кожаным ремешком, – переписку торговца.

Райнерио внимательно прочел их. Большинство писем из Венеции, Неаполя и многих испанских городов. Одно явно недавнее, пришедшее в прошлый понедельник, за три дня до отъезда Игнасио, Гийома и Уберто.

В письме всего несколько строк.

«Во имя Господа, в год 1218-й, месяца мая в 14-й день.

Мастер Игнасио, отвечаю вам на письмо, которое вы послали мне несколько дней назад из аббатства Помпоза. Благодарю за усердие, с которым вы откликнулись на мой вызов. Встреча произойдет в ближайшее воскресенье в базилике Святого Марка после заутрени.

Готовьтесь к долгому путешествию. Все подробности я сообщу вам во время нашей встречи.

Граф Энрико Скало».

Часть вторая
Оккультная философия

Вот истина, правдивая, несомненная и самая истинная: то, что вверху, равно тому, что внизу; и то, что внизу, таково же, как то, что вверху, для совершения чудес Единой Сути.
Гермес Трисмегист. Изумрудная Скрижаль

Глава 14

Базилика (собор) Святого Марка величаво возвышалась над площадью между замком дожей и ларьками рынка. Внушительное здание в форме креста венчали пять куполов. Уберто любовался колоннами и капителями. Изящно расставленные, они уравновешивали одна другую, создавая впечатление, будто собор парит над землей, при этом оставаясь на месте. «Жаль, – подумал он, – что западную стену сейчас чинят и она вся закрыта лесами».

Опустив взгляд ниже, мальчик заметил в нижнем этаже базилики над мраморным фундаментом окна склепа. Очевидно, склеп большой, не то что в их маленьком монастыре, затерявшемся среди лагун. Игнасио положил ему руку на плечо и подвел его к собору, раздвигая орущую толпу. Над воротами базилики сверкали под солнцем позднего утра четыре бронзовых коня.

– Потрясающие кони, верно? – сказал торговец, указывая на них. – Это часть добычи, привезенной из Четвертого крестового похода.

Уберто был почти раздавлен чувством того, как он мал по сравнению с таким великолепием. Он, послушник, не знающий мира, стоит перед величественным зданием в самом сердце морского города, который бросил вызов блистательному Константинополю и победил.

Перед тем как войти в базилику, торговец вполголоса сказал Гийому:

– Жди здесь и будь настороже, а я с мальчиком пойду внутрь.

Французу не надо было повторять приказ дважды. Он кивнул, отошел в сторону и сел на одной из ступенек широкой лестницы перед фасадом, смешавшись с толпой прохожих и попрошаек.

Пройдя через освещенный солнцем притвор, Игнасио и Уберто вступили в полумрак базилики и по мозаичному полу прошли в центр главного нефа. Отсюда было хорошо видно, что четыре части здания образуют крест. Каждая часть, в свою очередь, разделялась на три нефа параллельными рядами колонн.

Уберто поднял голову, чтобы рассмотреть золоченые мозаичные картины на потолке. Под потолком горели свечи в канделябрах, при их свете скользили между колоннами безмолвные тени.

Внезапно Игнасио остановился и резко выпрямился, потом слегка дернул Уберто за одежду и кашлянул, прочищая голос.

К ним направлялся мужчина с пепельными волосами, в желтой вышитой рубахе, черных штанах, кожаных башмаках и в красном бархатном плаще на плечах. Это был граф Энрико Скало, давний знакомый Игнасио, богатый патриций, друг дожа и член Совета сорока.

Игнасио приветствовал его почтительно:

– Господин, я очень рад снова видеть вас.

И, зная, что граф обожает себя и свою красоту, торговец добавил:

– Вы, как обычно, сияете красотой и здоровьем. Когда-нибудь вы расскажете мне, как вам удается поддерживать себя в такой хорошей форме.

– Секрет прост – хорошая еда и красивые женщины, – самодовольно ответил аристократ, но потом мгновенно стал серьезным. – Я рад, что вы откликнулись на мой зов. У меня есть для вас важное поручение.

– Я весь обратился в слух. Да, прошу у вас прощения за забывчивость. – Торговец указал на своего спутника. – Позвольте представить вам моего нового помощника Уберто.

Услышав эти слова, подросток согнулся в сложном поклоне, как его научили в монастыре Святой Марии у Моря.

Граф Скало ответил на поклон кивком и сказал:

– Можешь выпрямиться, мальчик.

Уберто повиновался и робко попытался улыбнуться. В своем плаще из грубого некрашеного холста он чувствовал себя очень жалким перед этим изящным патрицием.

Аристократ снова повернулся к торговцу:

– Кстати, Игнасио, только вчера вечером я в обществе епископа расхваливал достоинства одной ценной вещи, которую получил от вас. Помните ту Библию с иллюстрациями, которую вы прислали мне в прошлом году? Вот она, смотрите, я принес ее с собой.

Граф открыл старинную книгу, которую сжимал в руках, и Уберто залюбовался миниатюрами, украшавшими ее страницы. Эти священные изображения, несомненно, работы какого-то александрийского мастера.

– Я хорошо ее помню, потому что сильно утомился, добывая ее, – подтвердил Игнасио.

Но он помнил прежде всего о том, как мало граф заплатил ему за эту Библию.

Аристократ кивнул.

– Дож очень хвалил эту книгу и пожелал, чтобы одна миниатюра из нее была повторена в мозаике собора Святого Марка. Пойдемте, я покажу ее вам.

И граф отвел их в западное крыло базилики. Пройдя по галерее с мраморными колоннами, они через ворота вошли в притвор. Уберто уже заметил, глядя снаружи: здесь шел ремонт.

– Сегодня воскресенье, поэтому ремесленники не работают, – объяснил их знатный провожатый, пробираясь между строительными лесами и камнями, на которые были нанесены наброски росписи.

Они остановились перед маленьким куполом. Его украшение еще не было закончено, но уже можно было увидеть мозаику – три крылатых ангела перед мужской фигурой.

Игнасио сразу же заметил ее сходство с одной из миниатюр александрийской рукописи.

Уберто внимательно рассмотрел фигуры ангелов и заметил справа от них еще не законченное дерево.

– Это, кажется, из Ветхого Завета, явление трех ангелов перед Авраамом, – предположил он, хотя никто его не спрашивал.

– Посмотри как следует на четвертого мужчину слева, мальчик. Это не Авраам, а Бог Отец, – поправил его аристократ, поправляя рукой волосы. – Эта мозаика изображает третий день творения. Крылатые существа, которые ты называешь ангелами, означают дни, прошедшие с начала сотворения Богом мира. Это символы времени.

Уберто покраснел. «Как я осрамился! – подумал он. – Вот что бывает с теми, кто говорит непрошеный».

– Однако, – заговорил Игнасио, – эти крылатые существа, – тут он поднял указательный палец вверх, – загадочней, чем кажутся.

Взгляд аристократа стал острым.

– Объясните, что вы имеете в виду, – попросил он.

– Для меня это не просто символы, а действительно существующие ангелы. Они – «смотрители времени», и эта их функция напоминает роль Айона – языческого бога вечности. Этим ангелам так же, как ему, приписывают способность управлять сменой дней и времен года.

– Как же они это делают? – спросил Уберто.

– Вращая небесные колеса, – ответил торговец и многозначительно посмотрел на мальчика. – Когда они это делают, солнце и луна меняются местами, от чего происходит чередование дня и ночи, холода и жары.

Граф Скало задумчиво провел рукой по подбородку. Потом внезапно взял Игнасио за руку, как приятель приятеля в кабачке, и снова отвел его в глубь базилики. Затем он повернулся к Уберто и крикнул:

– Мальчик, ты не будешь против, если мы оставим тебя одного всего лишь на минуту? Мне надо обсудить кое-что наедине с твоим наставником.

– Я быстро вернусь, Уберто, – успокоил мальчика торговец. – А ты пока походи по базилике.

Мальчик молча кивнул в ответ.

Оба мужчины перешли в апсиду и спустились в склеп.

Никто из них не заметил очень высоко на верхних галереях человека в черной одежде и надвинутой на лоб широкополой шляпе. Он несколько раз перегибался через мраморный парапет то в одном, то в другом месте и наблюдал за тремя собеседниками. Заметил его только Гийом, украдкой заглядывавший сюда из притвора.

Француз решил пойти следом за этим человеком и поднялся на верхний этаж базилики. Но, оказавшись на галереях, он потерял из вида загадочного соглядатая. Куда тот мог деться?

На этот вопрос смог бы ответить Уберто, если бы повернулся в сторону хоров. Он увидел бы со своего места, как человек в черном ползет в полумраке ко входу в склеп, противоположный тому, через который вошли Игнасио и Скало.

Но мальчик глядел совсем в другую сторону.

Глава 15

Склеп делился на три нефа – центральный, очень большой, и два боковых, меньшего размера. Массивные стрельчатые своды поддерживали потолки и опирались нижними концами о мраморные колонны или каменную кладку стен. Лучи свечей с трудом пробивались сквозь щели между влажными каменными блоками и создавали в темноте ниш извилистые мелькающие тени.

Тому, кто оказался здесь, могло показаться, что он попал внутрь огромного трепещущего организма. Своды дрожали, словно части гигантского тела в бесконечном припадке удушья.

Чем глубже дышал Игнасио, тем сильней ему не хватало воздуха. «Это из-за беспокойства», – решил он. Его все время мучила мысль, что Райнерио из Фиденцы и призрачный Сципион Лазарус имели отношение к убийству аббата Майнульфо. Его лоб стал мокрым от пота. Раньше он входил сюда в совсем другом настроении. Тогда он любовался и восхищался сокровищами, которые хранятся в этом каменном чреве. И для развлечения следил за тем, как тонкие лучи солнца проникают снаружи и чертят узоры на стенах, словно пальцы любознательных детей. Но сейчас все выглядело иначе.

Вместе с графом Скало он прошел через западный неф, и оба остановились в центре склепа. Здесь темноту разгонял свет, падавший из маленьких окон апсиды.

– Обычно склеп закрыт, – сказал граф. Его голос эхом отдавался под сводами. – Я заранее договорился, чтобы его открыли и впустили нас сюда для тайного разговора.

– Наконец-то вы скажете мне, ради чего вызвали меня из такой дали, – сказал торговец.

– Скажу, но сначала ответьте мне на вопрос: что вы знаете об ангелах?

В первый раз за все это время по лицу Игнасио стало видно, что он теряет терпение.

– При чем тут ангелы?

Граф взглянул на него серьезно и ответил:

– Они имеют к нашему делу большее отношение, чем вы думаете.

Торговец не знал, к чему клонится этот разговор, и потому ответил в общих чертах, согласно каноническим взглядам Исидора Севильского и святого Августина:

– Греческое слово «ангелы» и соответствующее ему еврейское слово «мелахим» имеют значение «гонцы» и обозначают духов – посредников между Богом и людьми. Сабеи из Харрана[2] называют их словом, очень похожим на еврейское «малаика». Согласно Священному Писанию, ангелы делятся на девять разрядов, «чинов». Платон также утверждает, что на небе есть «духи», следовательно, признает существ, очень схожих с ангелами.

– И это все? – насмешливо спросил граф.

Торговец нахмурился.

– Я сам нахожу некоторое сходство между архангелами и «Амерта Спента», то есть «Бессмертными Святыми», которым поклонялись персидские маги… Но что именно вы желаете знать, мой господин?

– Хорошо, я объясню. – Граф наклонился к Игнасио, показывая, что доверяет ему важную для себя тайну. – Несколько месяцев назад я получил письмо от одного монаха-француза. Он пишет, что знает безошибочный способ вызывать ангелов. И спрашивает, интересно ли мне будет узнать его секрет, конечно, за разумное вознаграждение.

Игнасио никогда не думал, что такой человек, как Скало, может интересоваться чем-то подобным.

---

[2] *Сабеи* – последователи религии, существовавшей до ислама у некоторых арабских племен, поклоняются божествам звезд и планет; *Харран* – древний город на территории нынешней Турции, близ границы с Сирией, в древности один из центров культа звезд, был знаменит своими астрологами и предсказателями.

– Надеюсь, речь не идет о магических головах, слепленных из воска и соломы?

– Значит, существуют магические головы?

– Да. Говорят, некоторым исследователям оккультного мира удается призвать внутрь таких голов-фетишей духовные сущности ангелов и беседовать с ними. Вы это имеете в виду?

Граф, кажется, заинтересовался словами собеседника, но ответил отрицательно:

– Восковые головы тут ни при чем. В письме монаха-француза идет речь о книге, которая переписана из нескольких персидских источников, он намекает, что в ней описано, как вызывать ангелов. А небесные существа после того, как их вызовут, раскрывают тайны небесных сил тому, кто их вызвал. Мне выпал случай узнать, что похожие обряды существовали и в Египте.

– Об этом говорят везде. Ученые называют эту науку теургия.

– Понимаю вас.

Игнасио недоверчиво посмотрел на графа, однако этот разговор отвлек его от тревожных мыслей.

– Как называется эта загадочная книга? – спросил он графа.

– «Утер Венторум».

– «Утер Венторум»… «Мешок с Ветрами». Я никогда не слышал о ней. Посмотрим, удастся ли мне понять… – Торговец скрестил руки на груди, опустил голову и принялся размышлять вслух: – Ангелы летают верхом на ветрах и, как говорят, созданы из эфира – вещества, похожего на воздух, но легче, чем он. А что касается слова «мешок», мне приходит на ум только кожаный мешок, в котором Эол заточил все ветры, чтобы помочь Улиссу. Можно предположить, что «мешок» – это метод, который может, как талисман, подчинять ангелов и заставляет их показаться.

– Я согласен с вами.

– Однако Улисс, открыв мешок, не получил пользы, – заметил Игнасио. – И как вы можете быть уверены, что это не обман? Как вы так легко поверили монаху?

Граф нахмурил брови и сказал:

– Должен ли я ему верить, предстоит выяснить вам.

– Что вы хотите сказать?

– Владелец книги потребовал, чтобы посредником при заключении сделки были вы. Он хочет встретиться только с вами и ни с кем другим. Только вам он уступит «Мешок с Ветрами». Он утверждает, что знает вас давно и очень хорошо. Теперь вы понимаете, почему мне понадобились ваши услуги? Раз вы знакомы с этим монахом, то, конечно, сможете сказать, заслуживает ли он доверия.

– Могу ли я узнать его имя? – спросил Игнасио.

– Вивьен де Нарбон. Он утверждает, что так его зовут.

Для Игнасио это имя было как пощечина. В его ум потоком хлынули воспоминания.

– Вивьен… Я не имею известий о нем уже очень давно. Он исчез много лет назад.

Сказав это, Игнасио прислонился к колонне. Его взгляд затерялся в пустоте, а в памяти возникло лицо с аристократичными чертами, постепенно сужавшееся ото лба к острому подбородку. Довольно странный человек, монах с врожденной тягой к мистическим тайнам. Из-за этой страсти его несколько раз едва не объявили еретиком. Обнаружить где-то такую книгу, как «Утер Венторум», – действительно похоже на Вивьена де Нарбона.

Этот человек был для Игнасио не только другом, но и компаньоном в делах. Вместе они привезли с Востока много реликвий и ценных книг, во многих случаях по поручению богатых и знатных заказчиков из Франции и Германии. Все шло хорошо, пока они не выполнили заказ Адольфа, архиепископа Кельнского. В тот раз без всякой явной причины друзья-компаньоны оказались в большой беде, обнаружили, что их преследует тайное общество Святая Фема, которого боялась вся Европа. Главу преследователей называли Доминус, но он был больше известен под прозвищем Красная Маска.

Два друга едва смогли избежать опасности и направились в Италию. Перед тем как переходить через Альпы, они расстались, чтобы запутать свои следы. После этого переписывались много лет, а потом Игнасио внезапно перестал получать письма от друга.

Игнасио вспомнил, что Вивьен знал про его деловые отношения с графом Скало, которые продолжались уже двадцать лет. Должно быть, Вивьен хотел связаться с ним и обратился к венецианскому аристократу потому, что не знал никакого другого способа его разыскать.

Игнасио быстро овладел собой. Когда к нему вернулось его обычное хладнокровие, он ответил:

– Да, Вивьен де Нарбон не только мой близкий друг, но и человек, достойный доверия. Однако как нам узнать, что письмо написал действительно он, а не какой-нибудь обманщик?

В ответ граф протянул ему какой-то маленький предмет и сказал, что Вивьен прикрепил его к письму как доказательство достоверности. Вещица была хрупкой и белой, блестела, как перламутр, покрытая бороздками.

– Это обломок одной из тех ракушек, которые паломники уносят с собой из Сантьяго-де-Компостелы как доказательство того, что побывали у гробницы апостола Иакова, – сказал граф. – Не знаю, что она может означать для вас.

Игнасио взял у него ракушку, просунул пальцы за ворот своей рубашки и вынул оттуда цепочку, висевшую у него на шее. К цепочке был прикреплен кусок такой же ракушки.

Игнасио сложил два обломка вместе. Они точно подошли один к другому.

– Это память о нашей дружбе, – объяснил торговец, глядя на ракушку так, словно это была разломленная пополам просфора. – Я познакомился с Вивьеном в Сантьяго много лет назад.

Граф кивнул.

– Синьор, вы убедили меня, – сказал Игнасио. – Где Вивьен назначил встречу?

Глава 16

Гийом вошел в склеп. Он был уверен, что человек в черном спустился туда, чтобы шпионить за Игнасио. Но кто он такой? По его осанке и габаритам можно предположить, что он военный. Но одежда без всяких отличительных признаков, поэтому точно определить нельзя.

Дрожащие огоньки свечей отбрасывали на стены длинные тени, которые шевелились как живые, словно танцевали. Француз тихо крался вдоль стен. Глаза у него слезились от запаха ладана и свечного сала. Он прошел почти через весь восточный неф, когда вдруг увидел незнакомца. Тот неподвижно стоял за колонной. Как Гийом и предполагал, этот человек подслушивал разговор торговца с графом Скало.

Гийом пригнулся к земле, словно кот, и стал изучать взглядом своего врага. Противник был действительно необычный: кроме просторного капюшона, он закутал лицо еще и черным покрывалом, которое скрывало рот и нос. Серые, как лед, глаза были прищурены, кожа вокруг них была светлой.

Француз стал подходить к нему ближе – и вдруг случайно шаркнул подошвами башмаков по полу. Всего на долю секунды он опустил взгляд, чтобы понять, отчего возник шум. Но когда снова поднял глаза, было уже поздно: человек в черном уже шел к нему. Гийом уклонился в сторону, схватил его за левую руку и попытался обездвижить. Но тот был силен, вырвал руку из его пальцев и выхватил из ножен кинжал, нацелив лезвие в бок Гийома, но француз остановил его, схватив за запястье, и попытался толкнуть на стену. Но для толчка Гийому надо было сделать шаг назад. При этом француз сам наткнулся на канделябр из желтой меди, стоявший за его спиной, и тот упал, разорвав тишину грохотом металла.

Раскатистое эхо неожиданно прогремело под сводами склепа.

Игнасио прервал разговор и спросил:

– Что случилось?

– Кто-то следит за нами! – воскликнул граф Скало.

Оба побежали в восточное ответвление храма, откуда раздался звук.

Когда они обнаружили Гийома, тот лежал на полу и отбивался от врага, который навалился на него и пытался вонзить ему кинжал в горло.

Игнасио уже готов был вступить в бой, но француз сумел ударить противника коленом в правый бок. Нападавший тихо вскрикнул, стараясь подавить стон, и качнулся назад, сохранив равновесие. Он быстро выпрямился, вытянул вперед руку с кинжалом и пронзил Игнасио и графа грозным взглядом.

Торговец ощутил бешеную ярость этого человека, но также понял, что тот не знает, как действовать дальше. Поскольку рассмотреть противника было трудно, Игнасио стал внимательно вглядываться в него. Высокий и крепкий телом человек, явно привыкший носить доспехи. По осанке и манере двигаться, очевидно, не обычный наемный убийца. Больше похож на всадника из конницы крестоносцев. У этих воинов особая манера ходить, широко расставляя ноги и выставив грудь вперед. Кроме того, человек в черном, видимо, привык воевать тяжелым оружием – мечом или боевым топором, было видно, что более легким кинжалом он владеет не совсем уверенно.

На секунду время словно остановилось. Потом человек внезапно повернулся и побежал к выходу.

Граф Скало стоял неподвижно, словно окаменел. Игнасио бросился на помощь Гийому, который продолжал лежать на полу.

– Все в порядке? – с тревогой спросил торговец у француза.

– Он убегает! – крикнул в ответ Гийом и мгновенно вскочил на ноги.

Нападавшего уже не было в склепе.

– О, черт! Уберто! – воскликнул Игнасио. Он внезапно вспомнил, что оставил мальчика на верхнем этаже.

И оба бросились в погоню – Гийом впереди, торговец сзади.

Глава 17

Уберто бродил по центральному нефу и, восторгаясь красотой собора, разглядывал мозаики, колонны и фрески. Он еще никогда не видел ничего подобного.

Вдруг мальчик услышал какие-то неразборчивые крики, огляделся вокруг, чтобы понять, откуда доносятся голоса, и в этот момент заметил, что к нему бежит человек в черной одежде. За ним мчались по пятам Гийом и Игнасио, оба кричали что-то, но мальчик не успел расслышать слова. Человек в черном оказался рядом с ним, сбил с ног ударом локтя и побежал дальше, к выходу.

Удар пришелся в самую середину груди. Уберто упал на спину и ударился головой об пол.

Когда он увидел над собой Игнасио и Гийома, незнакомец уже выбежал из дверей базилики.

– Все в порядке, это был только обморок, – сказал торговец, взглянув на бледное лицо мальчика, повернулся к французу и крикнул: – Беги, хватай этого негодяя!

Гийом промчался через притвор и выбежал наружу. Перед его глазами возникли рыночные лавки, расставленные по всей площади, словно куски огромной мозаики. Он нырнул в толпу и стал пробираться среди тканей, благовоний и лотков, задыхаясь от полуденной жары.

Люди в плотной толпе двигались все сразу и беспорядочно, и Гийому пришлось снизить скорость. Он с трудом пробирался вперед, стараясь держаться как можно ближе к беглецу. Но это было нелегко. По пути он сбил с ног какую-то женщину и уронил на землю несколько бутылок с уксусом, но продолжал свой путь под вопли, крики и пение.

Среди людского моря в уме Гийома вдруг вспыхнуло воспоминание: толпа воинов-христиан стоит над ним, побежденным, на корабле крестоносцев. Но оно мелькнуло, как мираж, и исчезло.

Гийом попытался протиснуться сквозь толпу, но было уже поздно, он потерял из вида человека в черном.

– О, черт! – выругался Гийом сквозь зубы.

Глава 18

Человек в черном выскользнул из толпы и свернул в маленький переулок, казавшийся узкой щелью между домами на площади. Он то и дело оглядывался, проверяя, нет ли погони.

Оказавшись на достаточном расстоянии от рынка, он сорвал с головы покрывало и открыл свое лицо северного типа, с мощными челюстями, тонким носом и сурово сжатыми губами. Кожа обтягивала его туго, как кора – дерево.

Какое-то время он кружил по узким улицам, снова и снова возвращаясь туда, где уже был, чтобы проверить, не идет ли кто за ним. Окончательно убедившись, что сбил противников со следа, подошел к краю канала, наклонился над водой и сделал рукой знак проплывавшей мимо гондоле пристать к берегу.

Венецианская лодка подплыла к нему, оставляя за собой в воде едва заметный зеленоватый след. Человек вошел в нее, проворчал что-то и сел на скамью у носа. Лодочник жестом дал понять, что согласен его отвезти, и нараспев повторил названный адрес, желая убедиться, что правильно понял слова пассажира:

– К мосту Риальто.

Пассажир кивнул, отвел от него взгляд и стал рассматривать людей, ходивших туда и сюда по набережной. Потом осторожно ощупал свой правый бок. Ушибленное место болело. «Этот француз – крепкий орешек, – подумал он. – Чуть не сломал мне руку».

Гондола, покачиваясь на водяной ряби, проплыла по блестевшим под солнцем каналам через квартал Сан-Марко по Большому каналу до Риальто.

– Причаль рядом с Кампо Сан-Бартоломео, – пробурчал пассажир.

Лодка ударилась боком о берег и остановилась. Пассажир заплатил за проезд и вылез из нее.

Он шел к Генрикусу Теотоникусу, племяннику начальника таможенной службы в Регенсбурге. В доме Генрикуса постоянно бывали богатые горожане, которые вкладывали деньги в торговлю с Константинополем и венецианские монеты. Кроме того, здесь собиралось и совсем другое общество.

Этот небольшой, но роскошный дом, почти дворец, заметно возвышался над соседними постройками. Идти к нему надо было через портик из камня, доставленного с полуострова Истрия.

Между колоннами портика стояли, сбившись в кучу, несколько хорошо одетых военных – наемники с внешностью головорезов.

Человек в черном остановился перед ними и, не здороваясь, сказал:

– Я должен поговорить с Генрикусом Теотоникусом.

Самый высокий из компании вышел вперед. Крепкий молодой парень без усов и бороды. На голове у него красовалась модная шапка. Одет он был в черный бархатный плащ и высокие сапоги до колен. На боку висел на видном месте большой немецкий кинжал-сакс. Он, очевидно, узнал пришедшего, потому что поклонился ему и почтительно ответил:

– Он ушел по делам, господин, и вернется только вечером.

– А где его секретарь Рудольф?

Молодой военный указал рукой на одно из выходивших в сторону портика окон особняка и ответил:

– Он в своей комнате.

Человек в черном кивнул. Входная дверь открылась. Стали видны прихожая и стоявший в ней Рудольф, худощавый старик с длинными черными волосами. Он мгновенно узнал посетителя и сказал ему:

– А, это вы, Славник. Входите, здесь никого нет.

Славник переступил порог и закрыл за собой дверь. Следуя за Рудольфом, он прошел через прихожую в комнату секретаря, где света было чуть больше. Здесь он сбросил с головы капюшон, уселся в кресло и снова поднес руку к боку.

Рудольф заметил это движение и спросил:

– Вы ранены?

– Пустяки, скоро пройдет.

Секретарь кивнул, сел на свою узкую кровать, по всей поверхности которой были разложены деловые бумаги, уперся худыми локтями в колени и спросил:

– Значит, вы их нашли?

– Да. Девка сказала правду. Они встретились как раз сегодня, в базилике Святого Марка. Я следил за ними. Вивьен де Нарбон жив.

– А книга?

– Похоже, книга у него. Граф Скало поручил Игнасио из Толедо привезти ее.

– Отлично! – Рудольф стукнул кулаком одной руки по ладони другой. – Через столько лет мы нашли их и книгу в придачу! Скажите мне, вам известно, куда отправился испанец? И где прячется этот пес Вивьен?

– Этого я не узнал, – проворчал Славник, недовольный тем, что должен признать свою ошибку не перед самим Генрикусом, а перед его подчиненным. – Помощник Игнасио, военный-француз, сумел напасть на меня внезапно, и мне пришлось бежать до конца беседы.

– Они узнали вас?

– Нет, но теперь они знают, что кто-то идет по их следу, и будут настороже.

Рудольф вскочил и стал нервно жестикулировать.

– И как вы теперь узнаете, где спрятана книга?

– Это не ваше дело, – ответил Славник и взглянул на секретаря так, что тот понял: возражать бесполезно. – Вызовите девку и скажите ей, чтобы она во второй раз встретилась с графом Скало. Тогда я смогу сам его допросить.

– Хорошо, – ответил секретарь. Он так оробел от слов собеседника, что попятился от него. – Но вы должны быть очень внимательны. Энрико Скало – авогадор, то есть член Высшего судилища Венеции. Мы не можем позволить себе ошибку… Вы хорошо знаете, как к этому относится наш хозяин Доминус.

– Говорю вам, это не ваше дело, – ответил воин, вскинул голову и нагло взглянул на секретаря. – Вы только договоритесь с девкой, об остальном позабочусь я.

Глава 19

Уберто по-прежнему лежал на полу без сознания, но его лицо было уже не таким бледным.

Наконец мальчик открыл глаза и стал растерянно оглядываться вокруг, пока не увидел над собой золотой потолок базилики. Он лежал под куполом Вознесения Христова. Голова кружилась так сильно, что казалось, будто купол качается и вот-вот упадет на него.

Игнасио наклонился над ним и осторожно приподнял ему голову.

– Выпей это, тебе станет лучше, – сказал торговец мальчику, подавая ему флягу.

Уберто жадными глотками выпил воду, которая в ней была, и попытался встать, но у него снова закружилась голова. Кроме того, плохо гнулись руки и ноги, замерзли, пока он лежал на холодном полу собора. Уберто ощупал свою больную голову и растерянно пробормотал:

– Что случилось?

– Один человек толкнул тебя, и ты упал.

– Какой человек?

– Именно это мы и хотим узнать, – ответил Игнасио, взял мальчика за плечо и сказал: – А теперь смелей, попробуй встать.

Уберто медленно нашел равновесие и, поддерживаемый Игнасио, встал.

– Ты уверен, что в порядке? – спросил торговец. – Он тебя сильно пнул.

– Я в полном порядке. По крайней мере, я так думаю.

Граф Скало, который до сих пор молчал, вышел вперед. Его лицо больше не было веселым, скорее встревоженным.

– Ты помнишь что-нибудь о мужчине, который тебя толкнул?

– Да, но мало, – ответил мальчик и наморщил лоб, стараясь припомнить как можно больше. – Он был в черной одежде, здоровенный как бык. Лицо я не видел.

– Будем надеяться, что Гийому повезет больше, – сказал Игнасио.

Как раз в этот момент француз вошел в базилику. Его взгляд был полон боли. Он подошел к ним, развел руками и сказал:

– Исчез. Мне жаль, что так вышло.

Лицо торговца помрачнело.

– Тогда наше дело плохо. Кто это мог быть? Вы, граф, подозреваете кого-нибудь?

– Человек с моим положением в обществе всегда имеет врагов, которых ему надо опасаться, – сказал граф, поскреб себе затылок и добавил: – Но я не представляю, кто может интересоваться тем, о чем мы сегодня говорили.

– Раз так, мы должны быть очень внимательными, – сказал Игнасио и подумал, что, возможно, самое разумное – отказаться от этого дела в самом начале. Правда, ему уже любопытно, что это за книга «Утер Венторум». К тому же он опять встретится с Вивьеном… Поглаживая бороду, он повернулся к Уберто и сказал ему: – В любом случае я больше не уверен, что хочу взять тебя с собой. Обстановка изменилась, и дело оказалось не таким безопасным, каким я его считал.

– Учитель, ты не можешь говорить мне это! – жалобно сказал мальчик. – За два дня я увидел больше, чем за всю свою жизнь! Я обещаю, что не буду для тебя помехой. Прошу, возьми меня с собой!

– Посмотрим, – ответил Игнасио и с сомнением поглядел на мальчика. Слово «учитель» продолжало звучать в его уме и вызывало беспокойство. Затем он повернулся к графу и сказал:

– Я принимаю ваше поручение. Но еще не знаю, где должен встретиться с Вивьеном де Нарбоном.

Похоже, после этих слов у графа исчезли все сомнения. Скало вынул из-под плаща кошель, в котором зазвенели монеты, подал его торговцу и сказал:

– Оплата, как обычно, в венецианских гроссах. Это сейчас, и вдвое больше, когда доставите книгу. – Граф проверил, не подслушивает ли их кто-то третий, и, лишь убедившись, что никаких шпионов нет, договорил: – Отец Вивьен ждет вас в бенедиктинском аббатстве Святого Михаила у Плотины, между Турином и Бургундией. Будьте очень осторожны.

Игнасио, укладывая деньги в свою суму, согласился с ним и добавил:

– Я знаю, где это аббатство, и отправлюсь туда завтра же.

Глава 20

Наступила ночь. После утомительного ужина в компании епископа и других высокопоставленных особ граф Скало решил посвятить несколько часов развлечениям. Около полуночи он закутался в серый плащ, сел в свою гондолу и приказал слуге, который ею управлял:

– В путь, Джиджин! Отвези меня, ты сам знаешь куда. Мне нужно немного поднять себе настроение.

Лодочник лукаво улыбнулся ему, как сообщник сообщнику, и начал грести.

Гондола, лавируя между клочьями тумана, которые кружились над самой водой, вышла из каналов Риальто, покинула дворянские кварталы и смело проникла в другую часть города, находившуюся недалеко от них. Вместо каменных дворцов и мостов здесь стояли постройки из дерева и глины – дома купцов, ремесленников и ростовщиков. Звон колоколов собора Святого Марка был здесь еще ясно слышен, но факелов вдоль каналов стало меньше, их свет терялся в ночном мраке, и чем дальше плыла гондола, тем чернее становилась тьма. Некоторые участки каналов вообще не освещались.

Лодка вплыла за белый занавес, оставляя за собой на воде дрожащий след, и причалила перед безымянным особняком, из которого доносились музыка и девичий смех.

Только теперь граф, кажется, стряхнул с себя дремоту. Он подождал, пока гондола остановится, и вышел из нее, по-прежнему кутаясь в плащ.

– Я на тебя надеюсь, Джиджин. Жди меня здесь.

И, не дождавшись ответа, вошел в публичный дом. Пройдя через узкую прихожую, он оказался в гостиной с красными стенами. Здесь пахло вином и духами проституток, которые старались соблазнить патрициев и иных знатных гостей. Мужчины сидели за столами, лежали на кушетках.

Граф почувствовал, что накопившееся за день напряжение перестает сжимать его желудок и соскальзывает вниз, в берцовые кости. Скоро он полностью освободился от своих страхов. Больше он не думал о том человеке, который проник в склеп собора Святого Марка. В конце концов, чего ему бояться? Он не какой-то простолюдин. Он авогадор, член Совета сорока. Ему подчиняются шесть вассалов – феодалы, получившие в аренду земли, которые раньше зависели от константинопольских властей. С ним считается даже сам дож!

Он подумал об Игнасио из Толедо. Через несколько часов торговец отправится в сторону Альп, и вскоре «Утер Венторум» будет принадлежать ему… Но хватит раздумывать, пора развлечься. Он огляделся вокруг, и в нем постепенно проснулись плотские желания.

Граф прошелся по комнате, с каждым шагом его походка становилась легче и небрежнее. Он узнавал лица многих гостей, попадавшихся ему навстречу. Увидел среди них племянника дожа и богатого венецианского мансионария. Оба были навеселе и собирались танцевать со стайкой полуголых девиц. Граф незаметно для других поздоровался с ними, те оба молча кивнули ему в ответ. В таком месте, как этот дом, никого не называли по имени.

Скало прошел мимо них в спокойный угол комнаты, где стояло кресло. К нему подошли две проститутки – одна смуглая и черноволосая, другая блондинка, обе очень молодые. Они спросили у графа, которую из них он предпочитает и не желает ли развлечься с ними обеими. Граф откинул голову назад, улыбнулся и ответил, что перед тем, как сделать выбор, должен проверить на ощупь качество товара. Сказав это, он заснул руки под юбки девицам и начал гладить то, что нащупали его пальцы.

– Неужели ни одна из вас не принесет мне выпить? Что же вы, не хотите позаботиться обо мне?

В этот момент рядом с ним возникла третья женщина и подала ему чашу вина. Ее манеры были благородными, почти аристократическими, но черные глаза и сочные губы ясно свиде-

тельствовали об ее настоящем таланте. На ней было облегающее платье пурпурного цвета, длинное, до самых ступней. Глубокий вырез позволял видеть округлости грудей.

На плече сидела маленькая черная обезьянка, которую поднес ей в дар купец из Александрии Египетской. Экзотический подарок для мастерицы любви. Она лукаво улыбнулась и потребовала:

– Уйдите, девочки! Этот синьор уже занят, он со мной.

Аристократ узнал ее и жестом предложил сесть с ним рядом.

– Альтилия, ты не позволяешь ни одной женщине подойти ко мне. Еще немного, и я решу, что ты ревнуешь.

– Если ваша милость не находит мое присутствие приятным, вам лишь стоит сказать мне об этом, – ответила Альтилия графу, слегка коснувшись губами уха. – В ином случае я останусь здесь ради вашего удовольствия.

Две проститутки отступили и ушли искать других клиентов.

– Останься, Альтилия. Ты же знаешь, я предпочитаю тебя всем остальным, – ответил граф, весело смеясь, погладил ее по шее и добавил: – К тому же теперь я остался один.

Его ладонь была готова соскользнуть ниже, на грудь, но Альтилия удержала ее и шепнула:

– Не здесь, синьор. Пройдите за мной в более уединенное место, где я смогу удовлетворить вас, как подобает. – Она провела языком по своим сочным губам. – Сегодня мне хочется быть прихотливой.

Она помогла графу встать и отвела его на верхний этаж борделя. Пройдя мимо запертых дверей, из-за которых доносились шепоты, вскрики и стоны наслаждения, они вошли в полутемную комнату, обрызганную опьяняющими жидкостями.

Граф уселся на край кровати. Постельное белье, разумеется, не было смято, как случалось в маленьких окраинных публичных домах, и ароматным, как должно быть в доме свиданий для состоятельных клиентов. Сам он, например, черта с два лег бы туда, где только что совокуплялся какой-нибудь мужик!

Альтилия сняла с плеча обезьянку и затанцевала перед графом. Зверек взобрался на высокий трехногий табурет и тихо свернулся в клубок.

В конце танца проститутка взялась руками за низ платья и медленно подняла подол, открывая сначала икры, потом бедра и живот. Оставшись совершенно голой, она подошла к графу и села ему на колени. Его ладони начали скользить по ее грудям, потом по бокам. Альтилия, раба и госпожа одновременно, подала ему чашу с вином.

– Выпейте это, синьор. Выпейте, чтобы ваше наслаждение было еще сильней.

Граф взял у нее чашу, поднес к губам и выпил вино все до капли и бросил чашу на пол рядом с кроватью. Потом лег в постель, не обратив никакого внимания на горьковатый привкус, оставшийся во рту после напитка. Альтилия наклонилась над ним и принялась стягивать с него штаны. Ее взгляд был полон обещания, и граф полузакрыл глаза, предвкушая то, что будет дальше. Но в этот момент его возбуждение вдруг угасло, тело расслабилось, обмякло и потеряло чувствительность. В языке началось странное покалывание, ум стал терять ясность.

Растерянный и испуганный этими странными ощущениями, граф взглянул на проститутку, пытаясь прочесть объяснение на ее лице.

– Альтилия… Что со мной происходит? Чем ты меня напоила?

Но Альтилия ничего не ответила на его вопросы. Она сидела на нем верхом и молчала, только ее черные глаза смотрели на него звериным, коварным взглядом. Граф мог только глядеть на нее в ответ. Глаза сужались. Наконец всё растворилось в темноте, и граф потерял сознание.

В это время мертвое тело Джиджина плавало в воде рядом с графской гондолой далеко от борделя.

Глава 21

Уберто лежал, вытянувшись, на своей кровати в комнате одной из венецианских гостиниц. Этой ночью он ни на миг не смог сомкнуть глаз. Мальчик уверял, будто дело в том, что предыдущие дни, плывя на корабле, он много времени провел в полусне. «Обычное дело», – успокоил его Игнасио и объяснил, что Уберто всю жизнь проводил свои дни согласно распорядку монашеской жизни. Их делили на части богослужения – утренние, дневные и вечерние. Нужно только подождать, и он привыкнет к новым условиям.

На самом же деле мальчик еще не успокоился после утренних событий. Ему понадобится немало времени – несколько дней, чтобы прогнать свои кошмары, где грозный силуэт человека в черном бежит на него. Но он не осмелился заговорить об этом с Игнасио, уверенный, что торговец не станет терпеть его жалобы и без колебаний сейчас же отошлет обратно в монастырь.

Мальчик кашлянул. Грудь у него все еще болела после утреннего удара, и от этого было трудно дышать. Он промолчал и об этом, и о большом черном синяке, который появился у него на ребрах.

Уберто прижал руки к груди и попытался уснуть, уверяя себя, что завтра ему будет лучше.

Перед тем как закрыть глаза, он взглянул на своих товарищей. Гийом спал. Сон его был глубоким, но иногда француз ворочался на постели: должно быть, его тревожили неприятные сновидения. Игнасио лежал неподвижно, свернувшись клубком на боку. Может быть, он тоже не спал. От его тела исходило странное напряжение, словно его мысли сгустились и теперь висели над ним в виде заряженного невидимой силой облака.

Ожидая, пока придет сон, Уберто снова стал думать о том месте, где закончится их путешествие, – об аббатстве Святого Михаила у Плотины. Этот бенедиктинский монастырь стоит на вершине горы Пирикьяно на расстоянии одного дня ходьбы до Турина. Хотя он и похож на крепость, в нем останавливаются паломники, идущие во Францию. В монастыре живут более двухсот монахов разных национальностей. Среди них испанцы, бургундцы и итальянцы. И один из них – Вивьен де Нарбон.

Больше мальчик ничего не знал об этом монастыре. Его больше интересовало содержание книги.

– Это святая книга? – спросил он у Игнасио несколько часов назад.

– Нет.

– Тогда о чем в ней написано? – настаивал мальчик.

Глаза Игнасио грозно сузились, превратившись в две зеленые щели.

– О вещах, которые ты не смог бы понять, – сказал он.

Уберто был разочарован этим ответом, но похоже, торговец твердо решил ничего не говорить.

Венецианская ночь тянулась для Уберто медленно. Но еще медленнее она была для графа Энрико Скало.

Глава 22

Граф Скало проснулся внезапно. Он охотно поспал бы еще, если бы не мешало неприятное жжение в желудке, которое его очень злило. Должно быть, выпил прокисшего вина, перед тем как уснуть. Ум словно отяжелел, думать и вспоминать было трудно и утомительно. Тело онемело, словно долго пробыло в неестественном положении.

Он попытался открыть глаза, но не смог, на них была повязка. Привязанные к подлокотникам кресла руки не могли пошевелиться. Но больше всего его испугала неподвижность ног, опущенных в какой-то металлический цилиндр, который на уровне колен завершался раструбом. Этот зловещий холодный металл невозможно было сбросить с ног или сдвинуть с места. Под пятками цилиндр изгибался, образуя что-то вроде носка, куда можно вставить ступни.

В уме графа возник образ странного железного сапога. Но сколько он ни старался, не смог представить себе, для чего может служить такая вещь.

Жжение в желудке сменилось тошнотой. Могущественный граф Скало, авогадор Венеции, был в панике, и его тошнило от чувства бессилия. Он заметил, что здесь холодно и сыро, почувствовал запах плесени. Разумеется, он не в своем дворце на Риальто. Это, вероятно, какая-то тайная тюрьма. Откуда-то издалека до его слуха долетел плеск воды. Должно быть, тюрьма находится близко от портового квартала.

Внезапно граф вспомнил: его напоили снотворным! Эта шлюха Альтилия!

Попалась бы она ему сейчас в руки…

Вдруг он услышал звук шагов, доносившийся из соседнего помещения, они приближались к нему. Потом заскрипели дверные петли, и его лицо задела струя воздуха, значит, дверь находится впереди него. Она широко распахнулась.

– Альтилия, это ты? – неуверенно спросил граф.

Каждый слог доносился эхом, словно упавшая капля воды в известняковой пещере.

Из темноты ему ответил голос, звучавший как металл:

– Альтилии здесь нет.

Граф Скало вздрогнул. От страха у него невыносимо защемило в груди.

– Кто вы? – пробормотал он.

Ответа не последовало.

– Чего вы хотите от меня? – вновь спросил узник, а потом возмущенно крикнул: – Я авогадор Венеции! Вы не можете так обращаться со мной!

Эти слова бесследно растворились в темноте.

Послышались шаги многих людей. Вошедших было человек шесть или даже больше. Какой размер у этой тюрьмы? Судя по звукам, вошедшие сели на стоявшие в ряд стулья, как члены суда на заседании.

– Что происходит? – спросил граф и попытался приподняться.

– Вы находитесь перед тайным судом Святой Фемы, – произнес тот же голос, который говорил с ним недавно. Мужской голос со славянским акцентом. – То свидание было специально организовано, чтобы доставить вас сюда.

«Святая Фема?» – мысленно повторил граф. Хотя он и был членом Совета сорока, он редко слышал это название, знал лишь, что это общество, центр которого находится в Германии, состоит из фанатиков, которые называются «вольными судьями» или «зоркими».

Кроме этого он почти ничего о них не знал и уж точно не мог представить себе, что кто-то из них проник в Венецию.

– Отпустите меня! – рявкнул он, стараясь, чтобы его голос звучал как можно более властно. – Вы что, не знаете, кто я? Мой арест не сойдет вам с рук безнаказанно.

– Этой ночью вы одни, граф. И у вас нет никаких привилегий, – сообщил голос. – Вы одни перед *нами.*

Граф Скало скрипнул зубами: они ставят под сомнение его власть.

– Нельзя ли узнать, чего вы хотите от меня? – спросил он.

– Что вы сегодня утром сказали Игнасио из Толедо? – спросил славянин. – Ответьте, и вам не причинят никакого зла.

– Это не ваше дело! – ответил узник и попытался приподнять привязанные руки. – Освободите меня ради Бога и для вашего же блага.

Ответа не последовало. Без всякого предупреждения две большие ладони схватили его за бедра и раздвинули их, чтобы создать свободное место между икрами, засунутыми в металлический цилиндр. Но в таком сапоге было мало свободного места.

Еще одно мгновение – и между коленями графу вставили какую-то деревяшку. Потом этот деревянный колышек втолкнули в раструб сапога и просунули дальше вниз. Дерево, царапая и сдирая кожу голых ног, дошло до лодыжек.

Сапог стал сильно сдавливать графу ноги, и узник застонал. В икрах началось сильное покалывание. Вены, которые больше не могли перекачивать кровь, запульсировали так, словно вот-вот лопнут. Узник попытался пошевелить ногами, но сразу понял всю тщетность своей затеи.

Униженная гордость или, что вернее, отчаяние придали ему мужества, и он запротестовал:

– Вы – шайка подлецов! Я благородного происхождения, черт бы вас побрал! Вы не имеете никакого права так меня пытать.

– Ответьте, граф, вам лучше это сделать, – предложил ему славянин. – У нас мало времени. Что вы сказали Игнасио из Толедо?

– Я заплачу вам, если отпустите меня, – настаивал на своем Скало. – Заплачу сколько угодно, я очень богат.

Ни слова в ответ. Бедра снова раздвинули, в этот раз с трудом, и вставили между коленями новый кол. Он тоже был повернут острием внутрь сапога.

Граф задрожал от страха. Что они хотят с ним сделать? Между икрами больше нельзя просунуть ничего, там уже нет свободного места. Его палач, должно быть, тоже понял это, потому что прекратил попытку на середине дела.

Потом раздался звон металла о пол, воздух шевельнулся, словно от движения тяжелого предмета. Будто кто-то взмахнул дубиной или… *молотом.*

В тот самый момент, когда слово «молот» возникло в уме узника, то, что оно означало, ударило по верхушке кола в раструбе сапога.

Лицо с повязкой на глазах качнулось вперед. Граф пронзительно закричал, потом стиснул зубы, словно сдерживая боль. Из угла его рта потекла струйка крови.

Орудие пытки продвинулось еще чуть-чуть вглубь, прокладывая себе путь среди плоти и костей. Кол раздавил и разорвал все, что оказалось у него на пути.

Это была такая мука, что, если бы граф мог, он, не раздумывая, собственными руками отрезал бы себе ноги, лишь бы избавиться от нее. Он почувствовал, что кто-то мочится ему на спину, потом к моче добавился кал. Но сейчас ему было так плохо, что он не чувствовал унижения. Невыносимая боль пронзала его тело от ступней до паха. Он уже не мог понять, где кончаются ноги и начинается железный сапог.

– Скажите, и вы перестанете страдать, – прозвучал голос славянина. В этом голосе не было ни капли сострадания.

– Я скажу все, что вы хотите, – ответил узник. Он дышал тяжело, словно лошадь во время бега.

– Тогда ответьте, что вы знаете о книге под названием «Утер Венторум»?

– Она служит для того, чтобы вызывать ангелов… – ответил граф. Он даже не пытался лгать.

– Как вы об этом узнали?

– От некоего Вивьена де Нарбона… Он написал мне об этом в письме несколько месяцев назад.

В глубине комнаты зазвучали голоса – шумно, но приглушенно.

– Какие у вас отношения с этим человеком?

– Я с ним никогда не встречался и не знаю его. Он первый разыскал меня и начал мне писать.

– Чего хочет от вас Вивьен де Нарбон? И как в этом участвует Игнасио из Толедо?

– Вивьен хочет, чтобы я купил у него эту книгу, «Утер Венторум». Я послал Игнасио из Толедо приобрести ее для меня. Этого потребовал Вивьен де Нарбон, не знаю почему.

Голоса стали громче.

– Снова появился купец из Толедо! Он хочет соединиться с товарищем! Они хотят сбежать вместе с книгой!

– Тихо! – разнесся по тюрьме низкий и гулкий голос славянина. – Где скрывается Вивьен? Говорите, граф!

– В монастыре Святого Михаила у Плотины, – с оттенком набожности произнес граф.

Его виски блестели от пота, кровь бешено стучала в них. Скоро он перестанет страдать. Слава Господу за это!

– Вы клянетесь в этом своей честью? Клянетесь своей жизнью?

– Поклянусь всем, чем вы захотите! Святой Михаил у Плотины! А теперь, умоляю вас, освободите мои ноги.

– Как желаете, граф. Ваши страдания закончились, – ответил славянин.

Скало блаженно улыбнулся, и повязка была сорвана с его глаз.

Глава 23

На рассвете Игнасио, Гийом и Уберто сели на корабль, направлявшийся во внутренние области Италии.

Судно снялось с якоря, вместе со множеством других кораблей и лодок миновало подвижной мост Риальто и, оставив за кормой Венецию, вошло в воды притоков реки По. Этот корабль был освобожден от таможенных сборов и потому двигался без остановок, за что его и выбрал Игнасио.

Уберто, который раньше никогда не бывал на корабле, ходил по палубе, бросая во все стороны любопытные взгляды и слушая грубую речь моряков.

– Где мы сойдем на берег? – спросил он у Игнасио, который ходил рядом с ним.

– Этот корабль везет соль в Павию, – ответил купец. – Там мы и сойдем, а дальше поедем верхом на северо-восток, пока не доберемся до нашей цели.

Кивая ему в ответ, мальчик смотрел уже в сторону корабельного носа, где стоял, опираясь о фальшборт, Гийом. Француз выглядел печальным, но иногда во взгляде вдруг вспыхивал бешеный гнев, словно его мучили какие-то воспоминания и причиняли столько боли, что их невозможно было прогнать.

Игнасио угадал мысли Уберто, положил руку на плечо мальчика и сказал:

– Рано или поздно Гийом расскажет тебе о своей жизни. Тогда ты все поймешь.

Мальчик кивнул ему и отвел взгляд от француза, будто опасался нарушить его сосредоточенную задумчивость. Какое-то время он прислушивался к бормотанию воды и глядел на поросшие травой берега, которые проплывали перед его глазами. Вскоре Уберто снова обратился к торговцу:

– Я всю ночь думал о ней. То есть о книге. Ты совсем ничего не хочешь рассказать мне?

На лице Игнасио мелькнула улыбка.

– Это слишком сложные вещи для тебя, мой мальчик. Сейчас тебе достаточно знать, что книга эта очень редкая и столь же опасная.

– Если она в самом деле такая опасная, может быть, лучше не обращать на нее внимания и оставить там, где она сейчас?

– Наоборот, ее необходимо найти. Возможно, на ее страницах скрыта тайна истинной мудрости.

Уберто настороженно покосился на него.

– Я думал, истинная мудрость записана только в Библии.

Игнасио почти театральным жестом развел руками и стал смотреть на облака.

– Я говорю о мудрости другого рода – о науке вавилонских астрономов, халдеев и персидских магов.

– Ты имеешь в виду трех царей-волхвов?

Торговец улыбнулся.

– Разве кто-то когда-нибудь говорил, что магов было три и они были царями? В Евангелиях ничего такого нет. Магов двенадцать, и они мудрецы, которые одевались в белые одежды, жили в горах в умеренности и воздержании, наблюдая за звездами. Их пророком был Зороастр.

Мальчик смотрел на него недоверчиво.

– Никто не говорил мне про такое. Как мне узнать, что это правда?

– Может быть, в нашем путешествии ты найдешь способ это выяснить, – ответил Игнасио и внимательно взглянул на него своими изумрудными глазами.

Игнасио ничего не хотел навязывать мальчику. Он хорошо знал, что истине нельзя научить. Ее можно только найти – постепенно и полностью добровольно.

– Магов называли огнепоклонниками, – продолжал он, – в каждом их храме на самом его верху сиял таинственный огонь. Это были очень мудрые и могущественные люди. – Он помедлил секунду, потом, отбросив колебания, договорил: – Свою мудрость они получили от небесных существ.

– Я тебя не понимаю. О чем ты говоришь?

– О тайне, которая скрыта в «Мешке с Ветрами». – Сделав это короткое признание, торговец нахмурился. – Не только мы ищем эту тайну. Человек в черном, с которым мы столкнулись в Венеции, явно тоже интересуется этим секретом. Возможно, даже больше, чем мы.

Глава 24

Утро своей улыбкой уже окрасило крыши Венеции в янтарный цвет, но в доме Генрикуса Теотоникуса было еще темно, шторы на окнах не пропускали свет внутрь. Пожилой, маленького роста крепостной слуга, встретивший Славника, попросил его подождать в кабинете. «Хозяин, – сказал он, – только что проснулся, но скоро спустится вниз». И примет Славника.

Единственный светильник-плошка в просторном кабинете почти не освещал его. Воин пошел к этому свету, пробираясь на ощупь среди скрытых темнотой предметов. Он присел за круглым столом в центре комнаты. Не утруждая себя тем, чтобы устроиться удобнее на своем месте, он надавил на глаза кончиками пальцев, потер руками виски, разминая пальцами кожу, и задумался о том, что произошло в предыдущие несколько часов.

В левой руке он все еще сжимал повязку, сорванную с глаз Энрико Скало. Славник взглянул на нее с удовлетворением, словно на военный трофей. Затем его взгляд переместился на указательный палец, на котором блестело золотое кольцо. Его, умирая, много лет назад подарил Славнику отец. На кольце был вырезан цветок горечавки – символ их чешского рода, попавшего в беду.

Семейство Славник разорилось еще несколько десятков лет назад. Чтобы не дать погибнуть своему роду, он поступил на службу к очень могущественному человеку. Его господин занимал высокое место в тайном обществе, которое пустило глубокие корни во всей Священной Римской империи. Как его вассал, Славник был принят в это же братство, получил важное поручение и стал называть своего господина тайным именем Доминус.

Тут он услышал, как скрипнула дверь, и увидел массивный профиль Генрикуса Теотоникуса.

Толстяк Генрикус в просторном халате с восточной вышивкой степенно прошел в центр комнаты и сел за стол. Светильник почти не освещал его. На потной голове топорщились рыжеватые вихры. Серые очень узкие глаза, а под ними – пухлые щеки и мясистый двойной подбородок. Славнику этот человек всегда был противен до отвращения, являясь при этом сильной поддержкой в порученном деле.

Генрикус оперся о стол своими большими кулаками. Вместо костяшек на тыльных сторонах ладоней у него были ямки. Перед тем как заговорить, толстяк вздохнул – глубоко и с трудом, словно жир давил ему на легкие.

– Ну как он? – спросил Генрикус, глядя на повязку, которую сжимали пальцы воина. Чем дольше он глядел, тем больше тревоги было во взгляде. – Вы получили то, чего хотели?

– Да, – ответил Славник и зло улыбнулся ему. – Теперь я, наконец, знаю, где находится «Утер Венторум».

Сказав это, чех так грозно взглянул на Генрикуса, что тот отодвинулся от него и нервно кашлянул. Генрикус был честолюбив и жаждал власти, хотя умело скрывал это. Но ему вовсе не хотелось присутствовать при некоторых садистских допросах.

– Что вы собираетесь делать теперь?

– Пойду следом за Игнасио из Толедо и найду книгу, – ответил Славник. – Доминус хочет иметь ее. Любой ценой.

– Это верно. Кто служит Доминусу, должен служить ему до конца, – прохрипел толстяк. Он почти задыхался. – Кого вы берете с собой?

– Пойду один. Я знаю, где найти помощь, если будет нужно. Скажите остальным, пусть ждут здесь, в Венеции.

– Будет сделано, – не стал спорить Генрикус.

Хотя Славник был ниже его по должности в братстве и по происхождению, чех обладал большими полномочиями и правом на свободу действий. Так распорядился Доминус. Глава

тайного общества высылал вперед «братьев рыцарей» – подчиненных низшего разряда, которые не принимали решений самостоятельно, и этим ставил преграды для честолюбия своих последователей более высокого ранга.

– Больше мне нечего вам сообщить. Теперь вы должны доставить меня в какое-нибудь место, близко отсюда, откуда я смог бы продолжить путь на коне и держаться далеко от болот.

– Когда вы желаете отправиться в путь?

– Сейчас же.

Славник поднялся и, задумавшись на секунду, добавил:

– Прошу вас еще об одной – последней – услуге. Перед тем как отправиться в путь, я хотел бы знать, сколько кораблей отплыло во внутренние области или готовится отплыть туда. Игнасио из Толедо непременно сядет на один из них.

Глава 25

Шел уже пятый день плавания. Близился полдень. Игнасио и Гийом отдыхали в трюме, Уберто стоял на палубе, прислонившись к левому борту.

Корабль двигался против течения, постоянно подпрыгивал на волнах, порой его нос взлетал вверх. Такие скачки с каждым разом все больше беспокоили мальчика. Его желудок сотрясался при каждом толчке корабля, Уберто чувствовал тошноту. К счастью, ветер был попутный. Скоро они окажутся на развилке пути.

Уберто размышлял о том, что услышал от Игнасио, старался представить себе магов, их обряды в храмах огня, на горах в восточных странах. Что имел в виду его наставник, когда сказал, что маги получили свою мудрость от небесных существ? Почему он не выразился яснее?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.